

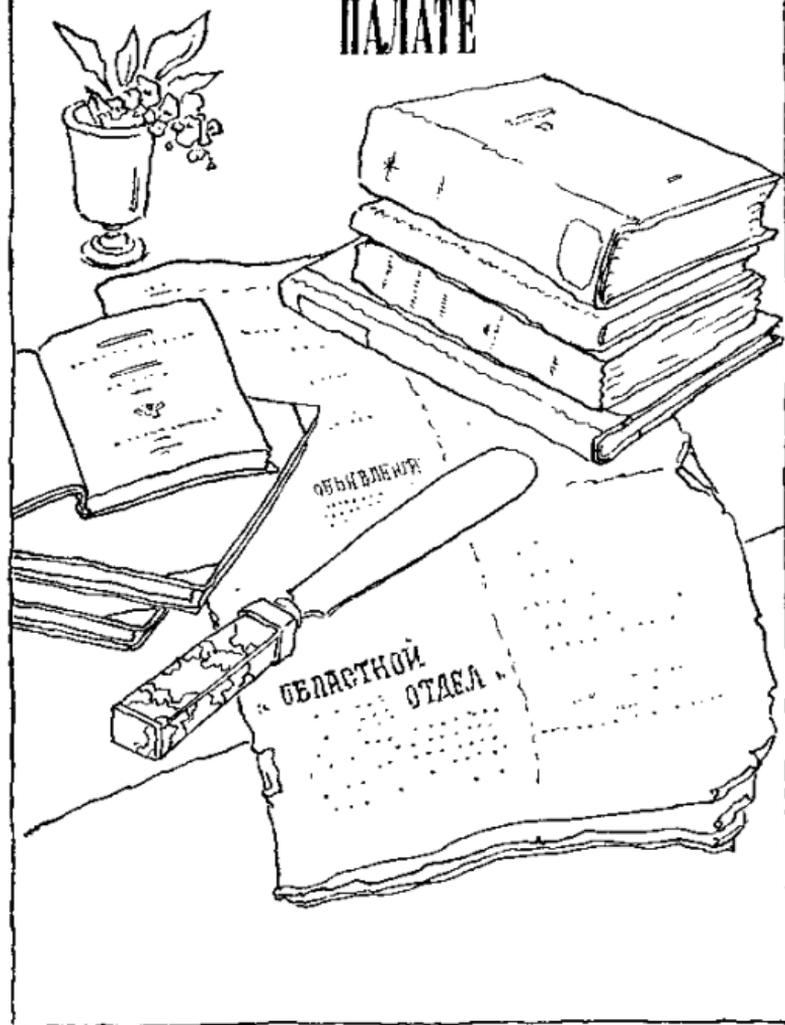
Иван Сергеевич Аксаков

Присутственный день в уголовной палате

Впервые напечатаны А. И. Герценом в 1858 г. в Лондоне в IV книге «Полярной звезды». В России появились в журнале «Заря» в апрельской книге за 1871 г. После смерти И. С. Аксакова напечатаны в издании «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах» (М., 1892. Т. III. Ч. I. Приложение). В настоящем издании печатаются по тексту журнала «Заря».

Присутственный день в уголовной палате

ПРИСУТСТВЕННЫЙ ДЕНЬ В УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЕ

Из недавнего прошлого[1]

Судебные сцены

Присутственный день в уголовной палате[2]

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Считаю нужным объяснить читателям, с какой точки зрения смотрю я сам на свое произведение. Не изъявляя притязаний на художественное достоинство, эти сцены, как верная докладная записка, имеют все грустное достоинство истины, все печальное значение действительного факта. Пусть это сознание, лишаящее меня художественной заслуги вымысла, сообщит предлагаемым сценам строгую занимательность правды и смысл обличительного современного документа.

Многие, по прочтении этого отрывка, скажут, что я взял только смешную и пошлую, еще не самую трагическую сторону судебного быта, что я вовсе не коснулся и не разоблачил тех вопиющих злоупотреблений и страшных злодейств, которыми богата память каждого, послужившего на своем веку человека. Но предлагаемый отрывок еще далеко не исчерпывает всей моей собственной задачи; вопи-

ющие же злоупотребления и потрясающие душу злодейства носят на себе характер исключительности, особливости, который яркостью своею резко выделяется из общего быта. К тому же они не всегда избегают и наказания по закону. Гораздо опаснее для общества те грехи, которые чествуются «грешками», те пороки, которые извиняются легко, уживаются с снисходительною совестью, живут рядом с хорошими свойствами души, принимают даже какую-то вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое сознание какою-то особенною простосердечною логикою. Это сеть малых грешков и пороков опутывает в сильной степени наше общество, и каждый из нас более или менее страдает тем же недугом. Но особенно опасною оказывается эта болезнь в быту судебном, где она в союзе с властью, где каждое ее проявление передается непосредственно, тяжкими, гибельными ударами, действительной жизни...

С этою целию выставлены мною даже не взяточники, а люди «честные» и даже добрые. Моя служебная деятельность доставляла мне возможность узнавать таких чиновников

близко, и если не всему, то весьма и весьма многому, изложенному в предлагаемых «Сценах», был я сам очевидцем.

Самое трагическое здесь, по моему мнению, это неправда, совершаемая добродушно и большею частью бессознательно.

Многим покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучают. Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения — я убежден — поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но на самом деле и по опыту.

1853,

Москва

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Председатель Александр Матвеевич, лет 45, мужчина довольно полный, среднего роста, волосы белокурые с рыжеватым оттенком, бакенбарды того же цвета, направленные к губам; говорит протяжно и довольно

мягким басом, одет прилично.

Заседатель от дворянства, Семен Иванович Посошков, лет 57, роста высокого, худощавый, ходит несколько сторбившись, вообще человек старого покроя.

Заседатель от дворянства, Алексей Александрович Жабин, отставной капитан, воспитывавшийся в Кадетском корпусе, лет 30, сильный брюнет, с черными большими усами и бакенбардами, роста среднего, талия военная, одет по последней моде.

Заседатель от купечества, Иван Фомич Вахрамеев, тоже среднего роста и толщины, лет 55, борода окладистая с проседью.

Секретарь Петр Ильич Соколов, из дей-

ствительных студентов № университета, лет 30, довольно благообразной наружности, блондин, одет прилично, но бедно.

Писец Галкин.

Писец Ивашкин.

Писец Швейкин.

Вахмистр, главный сторож палаты, отставной унтер-офицер, неизвестно почему называемый вахмистром, лет 60. Когда ходит, сильно стучит сапогами.

Канцелярия, т. е. канцеляристы.

Конвойные солдаты.

Три арестанта.

Помещик, Илья Андреевич Жомов, отставной полковник, лет 45, высокий, полный, здоровый мужчина, что называется *bel homme*[3], одетый очень хорошо, даже богато, говорит сильным басом, смеется громко, на всю комнату.

Действие происходит в присутственной комнате палаты уголовного суда. С одной стороны стеклянные двери в канцелярию. Канцеляристы то и дело заглядывают в присутствие, слегка приподнимая небольшие занавески.

вески, прикрывающие нижние стекла. На противоположной стороне также дверь с надписью: Архив. Она ведет в архивную комнату, где висят мундиры членов, надеваемые ими для присутствия в палате. По стенам стоят шкафы, висят зеркала, портрет государя, часы. Против дверей канцелярии, ближе к архивной комнате, стоит большой присутственный стол, покрытый красным сукном, с зеркалом, на столе чернильницы, звонки, бумаги, дела, «Московские ведомости», словом, все как следует. На одном конце стола председательское кресло с золочеными ручками; по сторонам кресла красного дерева. Подле дверей канцелярии небольшой столик, покрытый красным сукном: это столик секретаря.

Примечание: разговоры не мешают занятиям членов, т. е. они разговаривая подписывают бумаги или переписывая, как Семен Иванович. В некоторых случаях, когда разговор особенно оживляется, это занятие прекращается. Секретарь же во все время присутствия очень занят, часто уходит в канцелярию с бумагами и возвращается оттуда с новыми, роется в «Своде» Законов», перелисты-

вает дела и проч.

Товарищ председателя и другой купеческий заседатель в отпуску.

ЯВЛЕНИЕ I

Секретарь один, сидит за своим столом и пишет. (Входит вахмистр).

ВАХМИСТР.

Ваше благородие! арестантов привели.

СЕКРЕТАРЬ.

Сколько их?

ВАХМИСТР.

Три человека, да две женщины, одна с ребенком.

СЕКРЕТАРЬ.

Ну, пусть ждут, делать нечего, еще никого нет. *(Вахмистр уходит).*

ЯВЛЕНИЕ II

Семен Иванович (входит медленными большими шагами; секретарь встает и кланяется).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(проходя в архивную комнату).

Здравствуйте, батюшка Петр Ильич, здравствуйте, как поживаете? *(уходит в архивную комнату, откуда тотчас же возвращается в*

*старом поношенном мундире и смотрит на
стенные часы).* Эге! да уж 11 часов! Да что ста-
нешь делать (*саясь на свое место и переби-
рая бумаги*), нынче ведь Варвары! и у меня
большая дочь, невеста-то именинница... то да
се. К обедне ходили, так время промеж паль-
цев-то и ушло.

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

Честь имею поздравить.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что честь имею! Вы бы, Петр Ильич, за-
шли нынче ко мне поотобедать; дело-то бы и
ладно было.

СЕКРЕТАРЬ.

Покорно благодарю, Семен Иваныч, не мо-
гу, право, не могу-с... дела-то столько! Еще вот
не знаю, как и управиться... право...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, уж пошел! Хе, хе, хе! Полно Вам, полно,
Петр Ильич! Не все же делом-то заниматься,
надо человеку и порассеяться немножко, а то
сидит себе сиднем!..

СЕКРЕТАРЬ.

Да, право, нельзя, Семен Иваныч, уж Вы

меня, сделайте милость, увольте... у Вас, чай...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Что у меня чай? Много будет, пустяки!.. Никого не будет, своя семья; разве только Григорий Тихоныч зайдет, да и то навряд ли... Экой смиренник, право, ничем из дому-то не вытащишь, а еще молодой человек! Ну, полно же, Петр Ильич, приходи! будешь?

СЕКРЕТАРЬ.

Постараюсь...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

То-то, постараюсь! Приходи! Да что, Петр Ильич, все это к подписанию?

СЕКРЕТАРЬ.

К подписанию... тут, кроме приговоров и журналов, есть еще указы, их надо бы нынче же отослать на почту.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Указы? подпишем, подпишем! За нами дело не станет! (*подписывает один указ*). Экое помело, господи! (*звонит, входит вахмистр*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*обращаясь к вахмистру*).

Отдай перо Ивашкину. Что он, дурак, не знает что ли, что надо перья присутствующим

щим чинить? Не первый день служит. (*Вахмистр берет перо и уходит*).

СЕКРЕТАРЬ.

Вот это перо хорошо, не угодно ли? (*подает*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*берет перо и подписывает*).

Дайте-ка... хорошо... хорошо... (*считает*): раз, два, три, четыре, пять... Все ли тут, Петр Ильич?

СЕКРЕТАРЬ.

Все (*берет указы со стола, относит к себе и садится*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, журнал-то я Вам еще вчера подписал. Теперь приговоры... (*во все время следующего разговора подписывает одну бумагу за другою*). А что Александр Матвеевич, будет что ли нынче или нет?

СЕКРЕТАРЬ.

(*также продолжая писать*).

Будет-с, я, по крайней мере, вчера им докладывал, что нынче и приговоры арестантам надо объявлять и другие кой-какие дела есть... Чай, у него нынче именинниц по горо-

ду много...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да важных-то только одна, Варвара Петровна! Я думаю, он к ней прямо из присутствия и проедет, там, чай, нынче губернатор будет и вице-губернатор, все они! Да, чай, и наш Алексей Александрович туда же проедет, хе, хе, хе! а я уж, так слуга покорный, от всех парадов отстал.

ЯВЛЕНИЕ III

(Входит писец Ивашкин и подает перо).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(Ивашкину).

То-то, братец, должности вы своей не знаете! Вас учишь, учишь, а все проку нет! Экой народ, господи! Да, совсем забыл! Где ты это третьего дня пропадал?

ИВАШКИН.

Виноват, Семен Иванович.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Что, голубчик, виноват теперь, а? Что, все денежки пропил? Или еще осталось, а? Вот плати вам жалованье! Вот как я тебе жалованья поубавлю, так денежки-то и будут целы!

ИВАШКИН.

Виноват, Семен Иванович.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

То-то виноват! Ты смотри! Ну, да уж для нынешнего праздника, так и быть, сердить себя не хочу... Только смотри!.. Да, Галкина ко мне!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же без Ивашкина.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, вот, кажется, и последний приговор подписал (берет его в руки), экой толстый! Ну, уж губернатор читать его не станет, хе, хе, хе! *(отодвигает от себя подписанные бумаги)* приняться разве теперь за свое дело... *(потягиваясь и зевая)* шутка ли! докладного-то реэстра пятидесятую тетрадь переписываю! Слышите, Петр Ильич! пятидесятую, а Вахрамеев-то никак только десятую.

СЕКРЕТАРЬ.

Да уж нечего сказать, Семен Иванович, за Вами дело не стоит. Ах, боже мой, виноват, ведь совсем забыл доложить. Предложение прислал прокурор. Требовал он к себе наши настольные книги, росписи и докладные регистры.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(принимаясь за переписку с журнала в докладной регистр). Ну, так что ж?

СЕКРЕТАРЬ.

Да пишет он в предложении, что докладной регистр значит, дескать, регистр дел, назначаемых к докладу, и что потом уж, говорит, после каждого доклада и должна быть сделана рукою члена краткая отметка резолюции, по делу-то состоявшаяся. У вас же, говорит, наоборот, докладной регистр составляется после решения дела, пишут не отметку, а целую копию со всего журнального решения, начиная с «приказали». Позвольте, я отыщу предложение, не знаю только, куда его засушил...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(продолжая писать).

Э, да бог с ним совсем! Слыхали мы это не раз! Не он первый, не он последний. Мало ли их при мне перебывало, прокуроров-то! Вот так всякий и лезет с предложением, то не по форме, другое не по форме!.. Да в других-то палатах про докладные регистры и помину нет, а у нас к концу года все-таки закон соблюден.

СЕКРЕТАРЬ.

Соблюден-то, соблюден.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да и что ж не по форме-то? Только что полней. Пробовал я, батюшка, пробовал... Вот еще при губернаторе... Как его?.. Петр Петрович Жвакин... давай, думаю себе, стану и я отмечать эти, по-вашему-то, краткие резолюции... Ну, и не спорилось дело! Тут еще соображай, придумывай, того гляди, что-нибудь и пропустишь, да и время-то потеряешь. А как пошел писать целиком с журнала, либо с приговора, так оно и идет как по маслу, и не думая перепишешь! Да уж оно и все тут; уж известное дело, по канцелярской-то пословице: из большого не вывалится... (*засыпая страницу песком, звонит; вахмистр входит*). Твое, братец, дело за этим смотреть. Ну, что за порядок, у присутствующих и песку нет. Э, эх! братец! (*вахмистр берет песочницу и в продолжение следующего разговора приносит песок и уходит*). О чем, бишь, я говорил? да, так что ж Вы с предложением-то сделали?

СЕКРЕТАРЬ.

Ничего, записал к сведению и руководству.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну да, конечно; так и следует. Ведь он, прокурор-то, больше так, для очистки! «Я, десятать, свое дело сделал... оно и в порядке».

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и писец Галкин (растрепанный и незастегнутый).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А! ну-ка, господин Галкин, поди-ка сюда! Экая, братец, рожка-то у тебя! Вишь, какой растрепанный!.. Да хоть локти-то зашей. Ну, что так лезешь в присутствие! Застегнись, *(Галкин застегивается)*. Приходила, брат, ко мне жена твоя: плачется и жалуется, что ты деньги мотаешь, пьешь, гуляешь. Это бы все еще ничего... да ты и драться вздумал, избил ее совсем, да еще как дерешься-то, зря, во что ни попало.

ГАЛКИН.

Ваше высокобла...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да чего тут «Ваше высокобла...» я, брат, сам видел, она мне все синяки показала... *(раздвигая руки)* уж я, брат, не знаю, что с тобой и делать!..

ГАЛКИН.

Ваше высокоблагородие! Не верьте ей; она сама-то как дерется; просто совсем из дома выжила. Ведь такая распутная, что и не приведи бог! Я точно, не хочу лгать перед Вашим высокоблагородием, побил ее маненько...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Коли бы маненько, так ничего, отчего не побить. А ведь ты...

ГАЛКИН.

Да Ваше высокоблагородие, ведь как гуляет-то, ведь добро бы с одним... Ну, вот хоть сначала с Андроновым, извольте знать, в гражданской палате служит?.. Ну, уж куда ни шло! А то ведь она теперь со всей прокурорской камерой загуляла...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хе, хе, хе! Хороши вы оба!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Входит Алексей Александрович, раскланивается с секретарем и подходит к Семену Ивановичу.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А, Алексей Александрович, здравствуйте, куда это Вы запропалились? (*жмет ему руку*)

).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Заезжал к Вам. Хотел поздравить Вас и Варвару Семеновну, думал, что Вы для праздника дома.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

И хотел было, да уж так, по привычке, знаете (*Алексей Александрович проходит в архивную комнату*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*Галкину*).

Ты, брат, у меня знай! Я в ваши дрязги входить не буду, это дело не наше, а мы с тобою распорядимся по-своему.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(*возвращается в мундире и садится на свое место*).

Что это у Вас расправа, суд?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да вот, как видите... жена на мужа, муж на жену, поди разбирай их!

ГАЛКИН.

Да, Ваше высокоблагородие, хоть кого извольте спросить, хоть всю канцелярию извольте спросить...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хорошо, братец, хорошо! Только слушай: коли она еще с жалобой придет, так мы и ее и тебя при бумаге и препроводим к полицеймейстеру! Пусть он мирит вас по-своему... хе, хе! *(Галкин уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же без Галкина (секретарь в начале сцены, взяв бумаги, уходит в канцелярию).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Каков Семен Иваныч! Как рассудил! Фемида[4] просто, ей богу!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хе, хе, хе! Что прикажете делать! Ведь нельзя же не припугнуть! Ведь народец-то какой, хоть на отбор!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, надо признаться, грязненько-таки у нас в канцелярии. Что за воздух!.. Фа!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, конечно, не амбре![5] Откуда же ему быть, воздуху-то? Все ведь голь, нищета! Жалованья иному и двух целковых[6] в месяц не выйдут; взять-то неоткуда... вот в гражданской палате почище. Там и писцы в шубах хо-

дят.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Зато у нас на честь все делается! ха! ха! ха!
«Из чести лишь одной я в доме сем служу!»[7]

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Э, батюшка, за неволю будешь честен, как
взять-то не с кого!.. Подпишите-ка, батюшка,
вот Вам тут журналы и приговоры.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(принимаясь за подписание).

Нет, будь я председатель, у меня бы дело
шло иначе. Я бы их всех, знаете, эдак по-воен-
ному.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(махнув рукою).

Ничего бы не сделали, Алексей Алексан-
дрыч. Уж Вы поверьте мне, старику. Вы вот
всего год в штатской-то службе, а я заседа-
телем 17-й год служу! Мало ли здесь другие-то
горячились, да что взяли! Вот коли жалова-
нья бы втрое, да вчетверо прибавили, ну, мо-
жет быть, оно и точно... Да и то...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, уж что ни говорите, а презус-то наш
плох[8], вот в чем дело *(подписывает)*.. Семен

Иваныч, а, Семен Иваныч! Вы никакого уважения к орфографии не имеете, позвольте заметить.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А что такое?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да что ж Вы все пишете «заседатель» «есть»; надо «ять»![9]

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, так что ж, что «ять»? Знаю, что «ять», да так, не хочу! Ловчее как-то... ведь убытка от того никакого!..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ха, ха, ха, ха! Философ, ей богу, философ! Что бы Греч-то сказал![10] *(несколько времени все молчат, только слышен скрип перьев)*.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что это Александр Матвеич не едет, право... уж будет ли?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Александр Матвеич, Александр Матвеич! Он теперь такого форсу взял, Александр Матвеич! Вы знаете, он теперь в ладах больших с губернатором. Тот, изволите видеть, препоручил ему устройство разных обще-

ственных увеселений, да чуть ли и не зрелище за театром.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ой ли? Ну, уж напрасно Александр Матвейч взялся за это! Уж этот губернатор такой за-тейник, право, чего не выдумает!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, это бы ничего... но гордиться-то не из чего, вот что. Носа-то ему не из чего поды-мать... И что он смыслит в драматическом ис-кусстве? Ничего не смыслит!.. Ну, он хорош с губернатором? прекрасно! Так он и членов всех поставь в хорошие отношения к губерна-тору... Признаться Вам, Семен Иваныч, если бы я знал, что у вас в губернии заседатели так мало уважаются, так я бы и в службу не по-шел!..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ох, какие Вы, Алексей Александрыч! да чем же мало уважаются? Ведь это, батюшка, все по чину да по месту.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как чем? Да что мы с Вами хуже, что ли, Семенова и Птицына? Ну, вот их послезавтра на официальный обед к губернатору пригла-

силы, а нас с Вами нет.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что завтра такое?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как что? Царский день.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, да, да... я и забыл... Ну, да эта статья дру-
гая, они ведь, знаете, и вице-губернатору-то
приходятся с родни и ребята-то, сказывают,
ученые. Ведь по правде-то молвить, нельзя
же губернатору и пригласить всех.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Всех! Разве мы с Вами — все? Мы не все, а
мы нечто... нечто... все же нечто значитель-
ное в губернии. Члены судилища. Ну, и от
дворянства. Нет-с, наша военная служба, ей
богу, и поблагородней и попочетней. Там, по
крайней мере, хотя мундир есть, а здесь-то и
мундир никаким уважением не пользуется!..
Да и что за служба! Очень весело, право! пода-
дут к подписи бумаги, вот и начнешь смот-
реть. Ну, просто гадко делается! Там мужик
обокрал другого, там мужичка какая-то ре-
бенка подкинула, того розгами, того в Си-
бирь...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да Вы не читайте, так подписывайте, просто. Делайте, как я, батюшка Алексей Александрыч, оно и для совести-то спокойнее, ей богу! Ведь, по правде сказать, что толку, что Вы прочтете приговор или нет? дела же Вы все-таки читать не станете?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, почему ж и не прочесть! Помилуйте! Ну, конечно, иной раз, знаете, почерки такие скверные, зрение же у меня плохое, ну, да и безграмотность, безграмотность, просто ужас!..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Э, батюшка! Вот по всему видно, что Вы еще новичок! А я уж давно на все это и рукою махнул.., и ничего! Все, слава тебе, господи, до сих пор сходило с рук преблагополучно.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вы говорите — рукой махнул! Да ведь от этого может пострадать правосудие, Семен Иваныч, а Вы думаете, это шутка! Нет, я признаюсь, я о правосудии другого мнения. Я Вам скажу, я даже так полагаю, что без правосудия обществу и существовать нельзя; никак

не может!..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да то само по себе, а уголовная палата сама по себе. Ведь коли бы я судил вот так, попросту, вот как я у себя в деревне сужу... Ну, это статья другая, там уже нельзя дела-то и не разобрать.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Попросту! Это для деревни хорошо, а для государства не годится. Это уж слишком первобытно, патриархально! Эдак в образованном обществе не делается... Это Вы хоть кого спросите, это Вам любой писатель скажет. Да и позвольте Вас спросить, Семен Иваныч, в деревне Вы судите кого? Мужиков только. Ну, а как хотите, в палате цивилизация нужна. Тут ведь у вас под судом люди все больше с развитием. Тут уж ничего попросту.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Э, батюшка Алексей Александрыч, я и сам знаю, что палата это совсем не то, что вот в деревне рассудишь мужиков, выпорешь обоих, да и баста, да не о том речь...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, нет, Семен Иваныч, я того убеждения,

что на палату нашу надо все-таки глядеть с высшей точки... Знаете, вот я недавно писал к одному своему приятелю, бывшему сослуживцу, тот подтрунивает надо мной: «Ты,— говорит,— теперь что? Просто штафирка![11]» Ну, хоть мне, знаете, и жаль военного мундира, очень жаль, однако ж я ему написал: ты, говорю, брат, этого не понимаешь, ты думаешь, палата все равно, что полковая канцелярия... как бы не так! Нет, братец, я ему пишу, палата не полковая канцелярия, не просто какое-нибудь место, а целое, говорю, звено в цепи государственных и губернских учреждений... Поймите это: звено!..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Так что ж, что звено, а все-таки без секретаря не обойдетесь!.. Да Вы совсем от матери-то отбились...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Чем же отбились? Мы обсуждали вопрос, читать или не читать подлинные дела и бумаги... ну-с?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да вот что. Я вам всю мудрость открою (*кладет перо и перестает писать*)... Первое де-

ло, это чтоб секретарь был хороший и добрый, ну, и не очень корыстный. Коли секретарь человек знающий, дело-то и ладно, уж он присутствующих ни под выговор, ни под штраф не подведет... Я ведь вот как рассуждаю: ведь на что-нибудь секретарь да заведен, ведь коли бы мы и дела стали читать, и законы приискивать, и резолюции все сочинять, так тогда зачем и секретарь? Не нужно секретаря, прочь его. Ведь законы-то не дураками писаны, Алексей Александрович. Так коли секретарь нам законом дан, оно и значит, что все это дело секретарское, а не наше. Так ли?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

То есть... Оно, пожалуй, и так... Да для чего-нибудь мы здесь да сидим?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да так, для порядку.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Для порядку... Гм!... но... но... ну, а когда секретарь плох?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Плохого держать не надо. Хороший секретарь первое дело. Ведь это я Вам про уголовную палату говорю; наше дело покойней, чем

в гражданской. Работы у нас меньше, да и дела-то по большей части не корыстные; редко, редко перепадет дельцо о дворянине или о купце богатом. Так оно, если иной раз и выдерут мужика, так, ни за что, беда-то еще и не очень велика... Ну-с, а где дело-то поважнее, там и секретарь смотрит в оба! Ведь коли нас станут судить, так и он не отвертится... Так-то, батюшка Алексей Александрыч!.. Да и то Вы в расчет возьмите, ведь Ваши решения просматривает прокурор и губернатор; за неправоe решение кто отвечает? Не мы одни, и они также... У нас оттого и заведение такое, коли прокурору что в решении не нравится, или губернатору, так мы домашним образом и переправляем дело. Что его в Сенат-то таскать! Зато уж если все промахнемся или дело решим эдак, знаете, маленько с кривдой (кто богу не грешен!), так уж все молчок, друг друга не выдадим, все шито да крыто, дело-то ведь общее, батюшка Алексей Александрыч.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, а коли губернатор согласен, а прокурор свое поет?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, кто из них посильнее, с тем и надо ладить. Коли, например, у прокурора один или два протеста министром или Сенатом не уважены, так с ним очень-то и церемониться не следует. Да и о том подумайте, Алексей Александрович, ведь дела-то к нам почти все из нижних инстанций приходят, ведь там не дураки же сидят, дело-то они все-таки как-нибудь да порешили.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вот Вы говорите: губернатор да прокурор, а намедни Александр Матвеич сказывал, что губернатор ему говорит: я, говорит, за уголовной палатой живу, как у Христа за пазухой, мне и дел рассматривать нечего.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да ведь у него канцелярия есть, батюшка Алексей Александрович, не он, так она иным делом-то и поинтересуется. Ну, он за нами, а мы за ним, а все (вздыхая) богом держится. Я Вам доложу, я вот уже 17 лет здесь сижу: не такие дела делались, рассказать Вам, так и не поверите, уж про такие дела нынче и не услышите, а все, слава богу, сходило с рук, ни жалобы, ни штрафа... Надо жить ладно со все-

ми, по-приятельски... Ну, и захочет кто жаловаться, так не много возьмет... и губернатор приятель, и жандармский приятель! Нет, что ни говорите, Алексей Александрыч, а служить у нас можно. Нам за нижними инстанциями, да за губернатором, да за прокурором, да за секретарем знающим хорошо жить, ей богу, хорошо!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(встает и начинает ходить по комнате в раздумье).

За секретарем... Гм! Конечно, секретарь у нас человек знающий... Молодой, это правда, но даже в университете воспитывался... с ним даже о литературе говорить можно... это так. Но все же его надо в руках держать; все же он подчиненный.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

У нас секретарь знатный. Дело свое знает, а уж смиренный какой! Уж он, поверьте, против присутствующих не пойдет. Ведь он сирота, только мать-старушка, связей никаких. И человек некорыстный. Оно, правда, почти и брать-то не с кого, его-то и подсудимые не очень уважают...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну, все же, я думаю, не без того... жалованье у него небольшое.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Жалованье небольшое, это правда, да ведь ему и председатель помогает, и купцы помогают... Ну, и, конечно, притеснять-то он никого не станет, а коли кто из милости и за труды даст, да там какая-нибудь экономия из канцелярских принадлежностей, так что ж, в этом его и бог не осудит.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Не осудит, конечно. Это что! Я про это и не говорю. Это и у нас в военной службе водится, особенно, знаете, по экономии, по хозяйственной части... это, это, я Вам скажу, по моему мнению, мундир не марает...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Не марает, не марает.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Все это так, Семен Иваныч, все, что Вы говорите, это все или почти все справедливо и основано на долговременной опытности Вашей, на практике. Но по теории оно не совсем так. По теории присутствующий, т. е. член,

должен иметь некоторое значение поважнее, я так разумею.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да какого Вам еще значения нужно? Ведь я Вам и не говорю, чтобы уж вовсе в дела ни заглядывать... Известное дело: коли попросит кто о чем или уж такой уголовный казус, что вся губерния так на нас глаза и выпучит... ну, тут нельзя с делом не познакомиться, надо хоть секретаря-то порасспросить... а во всяких других случаях, поверьте, батюшка Алексей Александрыч, лучше и не вмешиваться, ей богу, лучше, еще пуще дело запутаешь... Только разве и наказывать секретарю, чтобы приговоры-то были, знаете, помягче.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, зачем же помягче, коли преступник, тут нечего миловать. Ведь уж там, как ни говорите, а мы все-таки судьи, палата! Ведь оно, конечно, фигурально, пожалуй, даже смешно, а все уж, так или эдак, все уж храм правосудия, как хотите! Нет, по моему мнению, мы должны иметь в виду одну только строгость законов, не больше. Тут уж увлекаться сердцем неприлично, тут уж я лицепрятия не до-

пускаю, как хотите, не допускаю. Разумеется, если кто из знакомых попросит, так отчего ж иногда и не уважить, не пощадить... но вообще поблажать преступлению никак не следует.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, так оно, пожалуй, а все же лучше, знаете, эдак, по человечеству!..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, извольте видеть, знаете, у меня другой метод, другой взгляд на вещи и на наше звание, взгляд, может быть, несколько военный, но тем не менее другой. Вы очень справедливо заметили, что мне, т. е. нам, нечего входить в очень уж подробный разбор дел, что тогда не нужно было бы и секретаря... это даже логично, и я скажу, что это, может быть, даже унизило бы и звание присутствующих, но тем не менее мы правосудие, мы законов блюстители!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Вот Вы говорите «законы, законы!» Да ведь законов-то что? Просто гибель. Да еще каждый год все прибавления да добавления; выдумали какое-то новое «Уголовное уложение»

[12], чтоб из степени в степень переводить. Ну, я Вас спрашиваю, батюшка Алексей Александрыч, досуг ли нам этим заниматься! Ведь наше дело дворянское: у вас есть крестьяне, ну, и меня бог ими не обидел. Стало, уже забота есть... Вот на этот-то предмет и заведены подьячие. Уж они на этом и стоят, на законах-то. Ну, а всякое дело мастера боится. Если б и вздумал кто из нас законам-то поучиться, все уж против канцелярии не будет, да и не дворянское оно дело, я Вам докладываю.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Конечно, конечно, отчасти... но позвольте, позвольте, я еще не развил Вам мою мысль... Действительно, нашему брату, присутствующему, во все эти крючки, эту стряпню, так сказать, входить не следует. Именно вот стряпня! у вас повара, стряпухи, стряпчие, а вы как бы в некотором смысле обед заказываете. Вся штука в этом. Ну, я Вас спрашиваю, кто важнее? Так и мы. Мы также должны дело делать — но, знаете, эдак, вообще, свыше... Так например, разве я даром здесь сижу, ну и Вы, разумеется? Нет-с, оттого, что мы здесь сидим и болтаем, оттого, может быть, и дела у

нас идут как следует. Секретарь и держит ухо востро. Вообще надо, чтобы канцелярия несколько боялась присутствующих. Тут, знаете, есть свое искусство, особенный эдакой маневр...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и писец Швейкин (в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, волосы напозаправлены и гладко причесаны).

ШВЕЙКИН.

(робко останавливаясь у дверей).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ты что, братец?

ШВЕЙКИН.

(робко подходя).

Ваше высокоблагородие, Семен Иванович, сделайте такую божескую милость...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Что, что такое?

ШВЕЙКИН.

Прикажите, Ваше высокоблагородие, мне вместо Галкина приговоры читать...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Приговоры?

ШВЕЙКИН.

Да, арестантские-с. Нынче арестантам приговоры объявлять будут.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, да... я видел их, там их что-то много.

ШВЕЙКИН.

Человек пять-с.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, так что ж?

ШВЕЙКИН.

Я, Ваше высокоблагородие, приговоры-то и приготовился читать, вижу, что Галкин... того... выпимши. А Галкин говорит, что не пустит. Это, говорит, мое дело, мне, говорит, присутствующие приказали.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(сидясь на свое место).

Да что ж Вам, мой милый, разве не все равно?

ШВЕЙКИН.

Помилуйте, Ваше высокоблагородие. Когда же все равно? Оно все-таки парадно-с, при открытых дверях, да и у присутствующих на виду. И между товарищами-то почетно — все же не только писец... Как можно, Алексей Александрович, оно лестно-с, очень лестно-с. Ва-

ше высокоблагородие, Семен Иванович, уж Вы позвольте, сделайте милость, позвольте; я нынче и приделся почище, а Галкина, сами изволите знать, и в присутствие-то пустить стыдно. У меня и голос-те получше. Я бойко прочту-с.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(сердито).

Что ж это Вы, мой милый, только к Семену Ивановичу обращаетесь; здесь не один он,..

ШВЕЙКИН.

Виноват, Ваше высокоблагородие, я и Ваше высокоблагородие прошу.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(к Алексею Александровичу).

Да, это он так, по привычке, Ваш предместник не очень то канцелярией занимался... Как же Вы полагаете, Алексей Александрыч, дозволить?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

По-моему, дозволить *(в это время входит секретарь и садится на свое место).*

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Так, да не охотник-то я старые порядки менять, Галкин-то по привык, ну, да и обидно

ему будет... Разве уж так для нынешнего дня? Не хочу уж для именинницы никого разогорчать. Да вот и Вы позволяете... Ну, уж так и быть. Только чтобы половину приговоров прочел Галкин, а другую ты...

ШВЕЙКИН.

(радостно).

Покорнейше благодарю, Ваше высокоблагородие, покорнейше благодарю *(кланяется обоим и уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же без Швейкина.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(к секретарю).

Я думаю, Петр Ильич, дозволить можно?

Можно-с, можно. Пусть читает, коли охота есть.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А знаете, мне это нравится. Амбиция видна[13]. Есть, по крайней мере, амбиция у человека!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Алексей Александрыч! приговоры-то, ба-тюшка, подпишите, Александр Матвеич придет, так надо их отдать, для подписи-то.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Правда, правда! *(берет приговор в одну руку, в другую перо. Семен Иванович пишет. Секретарь пишет. Молчание).*

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Гм! Этот приговор о чем? *(перелистывая)* какой толстый... *(читая заголовок)* «О поджоге крестьянским мальчиком Лукиным деревню Кавригину»... Надо прочесть *(читая про себя)*... мм... мм... мм... Э! да он в Сенат отправляется! Ну, бог с ним! Пусть там и рассудят *(подписывает и берет другой приговор)*... Этот о чем? «О подкинутии будто бы из бедности крестьянскою женою Власьевою законнорожденную трехмесячную дочь»... Слышите, Семен Иваныч, из бедности, а?., законнорожденную?..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Врет бестия! А впрочем, бог ведает, может, и не врет... Всякое бывает! А что ж, ее секут?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да вот посмотрю *(смотрит в последний лист)*. Секут, секут, да еще как больно секут! 80-ю ударами розог. Впрочем, кажется, тут все верно. *(К секретарю)*. Доказательства есть?

СЕКРЕТАРЬ.

Как же-с, есть.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А, ну, так хорошо. Главное, чтоб были доказательства!.. *(подписывает и берет еще приговор)*. Сколько их, приговоров-то! Этот о чем? «О воровстве из амбара муки» *(свистит)*. Ну, этот не интересен... Ах, боже мой, кстати вспомнил! *(звонит, входит вахмистр)*. Спроси у Крикунова записку по делу Кондратьевой *(вахмистр уходит)*. Просила меня кузина моя...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(продолжая писать).

Дарья Савишна?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Дарья Савишна. Дело у ней есть в палате, человек ее в краже попался. Так вот она и просит: нельзя ли его не наказывать, а оставить в подозрении, знаете, чтобы человек-то не пропал даром, чтобы она могла его с зачетом в солдаты отдать.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

И дело.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Конечно, дело, не нами, так ею, все же наказан будет. Но я ее сначала-таки постращал, ха, ха, ха! Нет, говорю, кухня, не надейтесь; у нас Фемида слепая, беспощадная, у нас только и слышно, что розги, плети, Сибирь, каторга! А она (*передразнивая ее*): «Ах, какие ужасы, ах, какой ты, говорит, cousin infernal[14]!..» (*входит вахмистр, подает бумагу. Алексей Александрович, взглянув на бумагу*). Вот тебе и infernal! Прошу покорно, совсем не то сделал, что я приказал. Я велел ему сделать записку из дела, да подвести законы так, чтобы выходило подозрение, хотел кухне показать, а он, черт знает, что нагородил; не то, совсем не то! (*вскакивает*).

СЕКРЕТАРЬ.

(*встав с места*).

Вы бы изволили это мне поручить; где же ему с этим сладить?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

У Вас и без того дела много... Впрочем, Вы-таки этим займитесь... Но я распеку его, распеку-с, порядком распеку... этого оставить нельзя (*уходит в канцелярию, где вслед за тем слышится его голос*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Вишь, как расшумелся, хе, хе, хе!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(возвращаясь на свое место).

А все Вы, Семен Иванович, балуете их не в меру... *(Секретарь уходит в канцелярию, Семен Иванович пишет, Алексей Александрович подписывает. Молчание, скрип перьев).*

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(продолжая писать).

Встретил я вчера Андрея Семеныча, вот что к нам в председатели баллотировался, хе, хе, хе! Сердит больно на Александра Матвейча! Ну, ведь и то сказать, председателем ему бы надо быть, а не Александру Матвейчу.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Что и говорить! Я ведь ему на выборах и шар белый положил.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, да что прикажете делать! Дворяне не захотели. Конечно, Александр Матвейч хлебо-сол и с губернатором приятель, и всякие обеды устроить мастер, и по клубу-то полезен, ну, и денег-то у него побольше... а Андрей Семеныч, хоть дока, да скупенек немножко.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Зато человек просвещенный. Ведь между нами сказать (оглядывается), что такое Александр Матвейч? Только что богат, а ведь без всякого образования, нигде не воспитывался, даже в Петербурге не был, послужил где-то годика два, в каком-то пехотном полку, да и вышел в отставку.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Нет, не совсем так, он служил и уездным судьей три года.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Экая важность! судьей! Нет, тут всему виною его богатая женитьба. Ведь бывает же некоторым такое счастье! Будь у меня деньги, так я бы был председателем получше его, право! Поверите, Семен Иванович, иной раз просто совестно за него делается. Намедни я был как-то вместе с ним на вечере... Повели речь о литературе, о Державине... он глаза так и выпучил; заговорили о Ломоносове, он и речь заминает.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, батюшка Алексей Александрович, это еще не беда, ей богу, не беда. Этого в нашей

должности не требуется... А человек он все-таки добрый, право!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как не беда! Вы, например, Вы хоть сами литературой не занимаетесь, но Вы заседатель и из заседателей выше не метите... а ведь он, как хотите, ведь он все-таки председатель.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А умеет-таки пыль пустить в глаза, нечего сказать, мастер. Вот посмотрите, послезавтра царский день — как он разрядится, мундир всегда новый, золото так и горит, штаны белые с лампасами.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Что ж, что золото горит?.. Наружный блеск один, только это и есть! (с негодованием махнув рукой). Э! да что говорить: Калигула!

*«Калигула, твой конь в Сенате
[15],
Не мог сиять, сияя в злате,
Сияют»...*

ЯВЛЕНИЕ X

Входит секретарь и подносит лист бумаги

Семену Ивановичу.

СЕКРЕТАРЬ.

Потрудитесь подписать, Семен Иванович, один указ. Забыл подать Вам прежде. (*Семен Иванович берет указ и подписывает*).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

И мне подписать?

СЕКРЕТАРЬ.

Нет, достаточно одной подписи.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Это о чем?

СЕКРЕТАРЬ.

О Домне Макаровой... Изволите помнить эту молоденькую, смуглую девушку, которой приговор на прошлой неделе объявлен.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, да... это та хорошенькая мещаночка, о которой Вы рассказывали, что она с своим возлюбленным в бродяжничество отправилась?.. Еще с черными глазками-то? Помню, помню. Ну, что ж, мы ее к чему приговорили?

СЕКРЕТАРЬ.

Высечь.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как, tout bonnement[16] высечь?

СЕКРЕТАРЬ.

Да, высечь розгами, с лишением, разумеется, всех особенных лично и по состоянию присвоенных ей прав и преимуществ, ну, да это не в счет... *(берет указ и уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же без секретаря, Семен Иванович пишет, Алексей Александрович подписывает.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(после некоторого молчания).

А что, новую губернаторшу видели?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Видеть-то видел, но лично еще не знаком. Кажется, дама умная, светская, и с образованием... видно, что хороша была собой и в хорошем обществе жила. Только чересчур важничает, говорят, горда немного... А надо с ней познакомиться, надо; не знаю только, как это сделать?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да чего же лучше? Вы ведь у Варвары Петровны будете? Ну, а там и губернаторша будет, наверное. Ведь уж Варвара Петровна это всякой губернаторше друг...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, да! превосходно сказал Карпов про нее в своей «Панораме» нашего губернского города, что она чиновница особых поручений при губернаторшах, ха, ха, ха! Ведь презло! Вы не читали «Панорамы»?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Это где он наш город раскритиковал? Слышал, слышал, только не читал...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Прочтите, у меня она есть. Очень, очень недурна; для губернского города хоть куда. Ну, конечно, не первостатейный поэт, а много соли! Хотите, я Вам дам?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Дайте, дайте, посмотрим.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Посмотрите... Гм! говорят, губернаторша вечера будет давать.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Говорила мне исправничиха[17], не знаю.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(кладя перо, дружеским тоном).

Послушайте, Семен Иваныч, знаете что? Ведь такое проклятое звание это заседательское! Никак эдак и в beau monde[18] не попа-

дешь. То есть, что я говорю, не попадешь? Я знаком здесь со всем высшим обществом, мои отношения к Прасковье Алексеевне Вы знаете? Она сама губернаторше ни бонтонностью и ничем не уступит, такая *comme il faut*[19] и *bon genre*[20], что чудо. Да и не одна она... ну, Вера Николаевна тоже... дама, уж известно, с высшим образованием... Но все же, знаете, я бы хотел и с губернаторшей сойтись поближе... Послушайте, губернаторша будет у Варвары Петровны... Конечно, могла бы и сама Варвара Петровна меня с ней познакомить... Но ведь Варвара Петровна тоже немножко чопорна. Хотя она и очень, очень меня любит, но все как-то, знаете, просить ее неловко, а самой-то ей, может быть, на ум не придет... Знаете что? Скажите-ка так, между прочим, Александру Матвейчу, чтобы он, как будет нынче со мной у Варвары Петровны, меня эдак, при случае, губернаторше и представил: ну, сказал бы, что я его сослуживец, что полькирую [21] и ловок в танцах и тому подобное.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что ж Вы сами-то его не попросите?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да нет! Он подумает еще, что я навязываюсь... Нет, нет! Я навязываться с знакомством ни к кому не хочу, сохрани меня бог! А просить-то уж и подавно, особенно Александра Матвеича! Я горд, Семен Иваныч, очень горд! А Вы скажите это так, от себя.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Очень рад, очень рад, штука нехитрая, отчего не сказать (*зевает и потягивается в креслах*). Эх, устал, походить немножко (*встает и начинает ходить по комнате*). Да что, Алексей Александрыч, говорят, Вы того... хе, хе, хе! у Веры Николаевны хороша дочка, что ли?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Понимаю, понимаю, ха, ха, ха! хороша, хороша, очень хороша, а у Лукерьи Фоминичны еще лучше!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*дружески грозя пальцем*).

Эй, не погубите девки даром! Вы бы уж за одной, а то за двумя разом, хе, хе, хе!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ха, ха, ха! За тремя, Семен Иваныч, за тремя, Лизавету Андреевну забыли! да зато уж...

ЯВЛЕНИЕ XII

Входит секретарь и писец Ивашкин из канцелярии. Секретарь садится на свое место, Ивашкин становится подле него; у обоих в руках бумаги.

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

Не беспокою ли я вас, если стану считать бумаги?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ И АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(вместе).

Ничего, ничего.

Секретарь начинает читать вполголоса, писец следует по своей бумаге; секретарь от времени до времени поправляет пером в своих бумагах ошибки; слышно только одно бормотанье мм... мм... мм... Алексей Александрович и Семен Иванович понижают голос в своем разговоре на полтона.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да... Так зато-уж как сердятся на меня наши львицы, прокурорша да жандармская! у! просто беда... Лизавета Андреевна живет, знаете, на Дворянской улице, в переулке, так Ан-

на Карповна, прокурорша-то, нет-нет, да и заденет меня: «Где пропадаете, милый поэт? Наш поэт охотник, видно, до переулочных красавиц...» А Любовь Карповна, жандармская-то, и стихи сочинила...

*Monsieur[22] Жабин в переулке
Потерял свое сердечко...*

Ха, ха, ха!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хе, хе, хе! Ай да Любовь Карповна! Лихая бабенка, нечего сказать! Люблю за это! «В переулке потерял сердечко...» хе, хе! (*мотает головой от удовольствия*).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Прелесть дамочка!.. Не то чтобы красавица, а прежантильная[23]. (Молчание. Семен Иванович ходит, Алексей Александрович принимается за подписывание. Среди этого молчания чтение секретаря становится слышным).

СЕКРЕТАРЬ.

(*читая*).

«А потому его, крестьянина помещицы маркизы Форкадедебиевр[24], лишив всех

особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, наказать чрез полицейских...»

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну да я ведь, Семен Иваныч, в долгу не остался, я ей такой акростих[25] написал!..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Что такое?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Акростих... Вы не знаете, что такое акростих? Как, Вы не знаете, что такое акростих?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Не знаю, не знаю, отчего ж мне знать? В наше время, мы, батюшка, акростихами-то не занимались.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

О! так я же Вам растолкую. Посмотрите, какая вещь! я Вам хоть сейчас новый сочиню. Ну, назначьте мне имя, выберите чье-нибудь имя...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Имя? ну, Яков!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да что Яков!., лучше женское. Например, Лиза!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, Лиза так Лиза!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Очень хорошо. Положим, Вы пишете акростих на Лизу. Ну, Лиза из чего состоит? Из букв л, и, з, а, так ли?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Так.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вот постойте, я возьму лист бумаги, эдак будет видней. Надо, чтобы первый стих начинался с буквы Л... *(Семен Иванович подходит к столу и, наклонясь, смотрит в лист бумаги, на котором Алексей Александрович собирается писать)*. Например... постойте, сейчас *(морщит брови и думает, в это время чтение секретаря становится слышнее)*.

СЕКРЕТАРЬ.

(читая).

«И по 1120 статье».

ПИСЕЦ.

«И 157».

СЕКРЕТАРЬ.

«И 157...».

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Позвольте, я сообразил... любовь (*пишет*)
любовь... моей душе... Гм... усталой. Ну-с, те-
перь И... (*думает*).

СЕКРЕТАРЬ.

(*читая*).

«И как бродягу в арестантские роты на 10
лет».

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Изнуренной... истерзанной... изнеможен-
ной... да, да! Изнеможенной и больной! Те-
перь (*кусает перо и думает*).

СЕКРЕТАРЬ

(*читая*).

«Упорствуя в расколе», запятая (*поправляет*)... «в расколе, подписки не дала...»

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Э...З...З...З... вот! звучит отрадою... бывалой!
Прекрасно... Теперь А... — А... я... а ты... а — я (*пишет и зачеркивает*) а демон... ну, так и
быть (*пишет*), «а ты одна... всему... виной!»
Ну, прочтите.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*читая*).

«Любовь...» это что?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Это: моей душе; лучше — душе моей.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, душе моей (*читая*) «усталой, изнеможенной и больной, звучит отрадой...»

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Отрадою... дою!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*читая*).

«Отрадою бывалой, а ты, а я...»

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

«А я» — не нужно.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Не нужно? Хорошо (*читая*), «а ты одна все-му виной». Ну, так что ж?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вот видите. Вот как Вы эдак рукою-то закроете (*закрывая рукою стихи*) да оставите на виду одни буквы, то и выйдет... читайте, слагайте литеры...[26]

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Позвольте, позвольте... (*читая с расстановкой*) Л-и-з-а... Та-та-та! Понимаю! Вот оно как!.. Ну, это штука мудреная... хе, хе, хе!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, таки не совсем легкая... я, впрочем, на

это мастер. Ведь это еще так, для потехи.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(садясь на свое место).

Хитрая, хитрая!.. Подпишите-ка приговоры, Алексей Александрыч, Вам еще журнал надо подписывать.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Подпишу, подпишу... *(подписывая).* А хорошо акrostих, а? Да это еще что! Подписать однако в самом деле поскорей! *(подписывает одну бумагу за другой, причем произносит свою фамилию, выдавая каждую букву)* Алексей Жж...абин, Алексей Жа...бин, заседатель Алексей Жабин. Э, как расчеркнулся-то ловко! Жа...бин! Жабин! Жабин!.. Жабин... Жабин... Жабин.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и купец Вахрамеев. Писец Ивашкин, окончив считку, уходит.

ВАХРАМЕЕВ.

(крестится на икону, раскланивается низко со всеми).

Вашему высокоблагородию Семену Ивановичу наше почтение... Вашему высокоблагородию Алексею Александровичу...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, что это Вы, Иван Фомич, так поздно приходите? Видите, уж 12 часов.

ВАХРАМЕЕВ.

Да ведь что же-с! и Александра Матвеича еще нет...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что Вы с Александром Матвеичем равняетесь; Александр Матвеич председатель, а Вы член, да еще купеческий!..

ВАХРАМЕЕВ.

(садясь на свое место)

Хе, хе, Семен Иванович-то все бранится; не извольте беспокоиться, все подпишем-с (медленно вынимает из кармана очки и надевает). Икону, извольте видеть, у нас нонче в лавках подымали; оттого и опоздал маненько. Чего подписать-то?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, вот видите, какая кипа бумаг *(берет их и кладет перед Вахрамеевым)*, да, Вы вот все нарочно приходите поздно, только и успеваете бумаги подписывать, а докладного регистра всего только десятую тетрадь пишете... Ну, нынче икона, а вчера-то что?

ВАХРАМЕЕВ.

Как же быть-то-с? Дело-то наше коммерческое! Ну, господи, благослови! (*крестится и подписывает одну бумагу, потом крестится и подписывает другую, и вообще перед каждой своей подписью крестится, держа между пальцами перо. Алексей Александрович, окончив подписывание приговоров, принимается за чтение «Московских ведомостей»*).

ВАХРАМЕЕВ.

(к Семену Ивановичу).

Муку вчера купили по 93 коп<ейки> пуд, а намеднись Фалеев это продал по рублю.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Что так, подвезли что ли много?

ВАХРАМЕЕВ.

Да и подвезли, да и заводчикам-то винокурным хлеб-от не требуется, по той причине, что от поставки они отказались (*подписывает*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*взглянув на подпись Вахрамеева*).

Да где ж это Вы подписываете? Ну, куда это Вы заехали? Совсем под председателя! Вот Ваше место.

ВАХРАМЕЕВ.

(почесывая затылок).

Виноват-с!.. Эх-ма! Не доглядел. Ну, да эта бумажка махонькая, ее и переписать можно.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Шум: бежит вахмистр и растворяет обе половины дверей в канцелярию настежь. Канцелярия с шумом поднимается с мест. Входит председатель. Все в присутствии встают и кланяются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(с важностью наклоняя голову).

Здравствуйте, здравствуйте, господа, здравствуйте (все садятся, председатель проходит прямо в архивную комнату, за ним вахмистр).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(выходя из архива в мундире, останавливается посередине комнаты и оглядывается кругом).

Надо бы вот еще драпери поделать к окошкам. Оно, правда, хорошо и так, чисто и опрятно... а все бы не мешало тут вот бы одну половину красную, а другую белую.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Зеленую лучше, Александр Матвейч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(садясь на свое место).

Нет, красную лучше. И в губернском правлении красная. Да вот Иван Фомич мне кисеи пожертвует, хе, хе! а я палки золотые уж на себя возьму.

ВАХРАМЕЕВ.

Да уж и так испожертвовался совсем, Александр Матвеевич. Ведь вот мы и скамьи вам в канцелярию понаделали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Эка важность, скамейки! Ведь это все к чести твоей отнесется, я и губернатору скажу.

СЕКРЕТАРЬ.

(подходя к председателю с бумагами).

Вот бумаги, полученные с почты, отметить не угодно ли?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А! хорошо, хорошо. Какое нынче число?

СЕКРЕТАРЬ.

4-ое (кладет бумаги на стол и возвращается на свое место).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(отмечая бумагу).

4? хорошо (*отмечая*). 4 декабря 184... 4 декабря 184... 4 декабря... Слышали, господа, говорили вчера в клубе, что государь поехал из Петербурга в Киевскую губернию?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(*подписывая журнал*).

В Киевскую? Гм! Зачем бы это?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*переписывая докладной регистр*).

Так ведь он часто ездит!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Не в том дело, а вот что. Губернатор и сказал: хотя мы и в стороне, ну да неравно царь вздумает поехать и чрез нашу губернию... ведь ему дорога везде вольна? а?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Вольна, вольна!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, поедет, господа, царь чрез наш город, станет все осматривать... Ну, коли он вздумает завернуть и к нам в палату?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Помилуйте, Александр Матвеич, зачем ему в нашу палату? Такое ли это место, чтоб царю его осматривать!.. Сюда ни один царь никогда

и не захаживал!..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, нет, не говорите! Отчего же ему и не зайти? Ведь палата все-таки... после Сената первая инстанция!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, не равен час, вздумает, да и полно. Может, строение захочет посмотреть...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Навряд ли! бог милостив! Ну, да коли пожелует, что ж, честь будет великая... (*осматривая*) у нас, кажется, все в порядке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

В порядке? не все-то вы видите, господа, а вы нынче ночью вспомнил, да и утро все продумал.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Что ж такое, что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да вот что. Гм! Есть у нас портрет государя или нет?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Как же, есть! ведь вот он, сзади Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

То-то есть! По-вашему, есть, а по-моему,

нет, т. е. все равно, что нет.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Отчего же нет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вот вам и загадка... хе, хе, хе! (*оборачивается к портрету*). Оно точно, не вдруг догадаешься, ха, ха, ха!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Что ж бы такое?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Чем же это не портрет? Конечно, государь здесь нарисован молодым, очень молодым, художавым[27].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Та-та-та! В том-то и штука (*топотом*). Ведь он без усов!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вообразите ж! Смотрел, смотрел, и в голову не пришло!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

То-то же! Ну, а ведь вы знаете, царь усы любит.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(*вместе*).

Любит, любит!
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вот и в губернском правлении с усами и в казенной палате с усами... а у нас без усов!.. Ведь эдак, господа, согласитесь, рисковать не должно.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Никак не должно! я помню, на одном смотре начальство изволило обратить особенное внимание на офицерские усы.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Так что же, Александр Матвеич? Ведь новый-то дорого стоит, да и не скоро добудешь?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Хе, хе, хе! Я уж это все сообразил, уладил. Я думаю, господа, вот что: пригласить лучшего здешнего живописца, да и подмалевать на портрете усы! а! Как вы думаете?[28]

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(смотрит на портрет).

Что ж! Место будет; только, знаете, надо поосторожней...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Лучше бы новый, Александр Матвеич, а то как-то нехорошо: портрет старый, а усы све-

жие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Так что ж, что свежие... были бы только усы...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Конечно, все-таки больше сходства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вот мы этим на днях и займемся... (отмечая бумаги). Э, да тут сенатский указ... о чем он, Петр Ильич?

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

Указ неважный. Домейкин жаловался на то, что мы не допустили его к апелляции; Сенат с приложением прошения и требует по оному объяснения... Жалоба неосновательная.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, коли неосновательная, что ж еще Сенат спрашивает? Сам бы разобрал дело, а тут поди, отписывайся! Ей богу, точно не знают, что у нас работы не меньше ихнего будет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А писцов-то мало.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А писцов-то мало... Вот был у нас покойник

председатель Утяжников... это еще при губернаторе Карпе Федоровиче Емельянкове... ну, тот выкидывал такие штуки, что только одному богу известно, как это он цел остался. У него для этих указов сенатских был особый писец: с виду, бестия, писал так красиво, что загляденье! а разобрать — ничего не разберешь! Просто глаза все даром истеряешь. Вот, как, бывало, потребуют из Сената объяснения по жалобе, а жалоба-то, знаете, с соком, основательная, так он и закатит, бывало, в Сенат объяснительный рапорт, эдак листов в 20, да все такого письма. Ну, понимается, в Сенате повертят его в руках, повертят, читать-то никому и не хочется, так и ответят, бывало, — поступить, дескать, по законам, хе, хе, хе! Проказник был покойник, царство ему небесное! *(все смеются)*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А ведь бы и нам завести такого не худо, право? Ну-с, а этот указ о чем?

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

Это Сенат дает знать к сведению об отказе своем по прошению мещанки Пирожнико-

вой. Изволите помнить, было у нас дело Пирожникова, что еще в каторгу присужден. Мать жаловалась в Сенат, так Сенат ей и объясняет, что, во-первых, мать за сына просить не может, каждый отвечает сам за себя; а, во-вторых, что по 1338 ст<атье> XV т<ома> в уголовных делах на решение палаты допускается апелляция только в случае присуждения к тяжким наказаниям, значит, можно жаловаться только по исполнению приговора, после уж наказания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Так что ж, нам по этому указу исполнять нечего?

СЕКРЕТАРЬ.

Нечего, это к сведению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

И прекрасно. Ну-с, Петр Ильич, возьмите бумаги, я пометил; дайте-ка приговоры поскорее подписать... *(секретарь идет к столу, берет отмеченные бумаги, отбирает у Вахрамеева подписанные им приговоры и кладет пред председателем).*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(считая приговоры).

Э, сколько их!., ведь это, ей богу, душа радуется, как у нас дела-то скоро идут. Целых 15.

СЕКРЕТАРЬ.

(с своего места).

И не пустые все, Александр Матвеич, а довольно важные. Тут есть штук 5 и в каторгу!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Славно, славно! *(подписывая).* А что, Жомов не был?

СЕКРЕТАРЬ.

Нет-с, никого не было.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Жомов, какой это Жомов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А вот увидите. Он хотел и сам нынче захватить в присутствие... Отставной полковник, здешней губернии помещик... славное имение у него *(подписывая).* Вчера мы с ним в клубе встретились.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(переписывая).

А что, Александр Матвеич, как Ваши карточные дела?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Плохи были... да вот вчера немножко по-

правились. Сели мы втроем, я, Жомов этот да прокурор... копейки по 3 поень... Ну-с, проигрался он на порядках и мне и Борису Львовичу.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Я его что-то не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да и я его почти не знал... Он ведь все в военной службе служил, а с отставки-то все живет в своей деревне. Ну уж малый разбитной, веселый, нечего сказать! мы так с Борисом Львовичем и катались со смеху... Бедовый просто! хе, хе, хе! Говорит, что у него дело есть в палате. Петр Ильич, о Жомове есть дело у нас?

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

Как же, и очень важное. Он обвиняется в разных преступлениях *(кричит, отворив немного дверь в канцелярию)*. Швейкин, подайте дело о Жомове.— Тут три дела, соединенных в одно[29]. Он обвиняется, во 1-х, в том, что высек своими людьми гувернантку, приставленную им же к его детям, да еще вымазал ее купоросным маслом, во 2-х, в том,

что засек чуть не до смерти крестьянина своего... имени не помню... в 3-х, в продаже фальшивых рекрутских квитанций.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ого! Какой гусь! Молодец! ха, ха, ха!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да так ли это? Мне что-то не верится... Такой, кажется, славный, приятный такой... мало ли ведь какие обвинения бывают, нет, это что-то того... (трясет головой).

СЕКРЕТАРЬ.

Видно по всему, что крестьянам его плохо. Да вот и дело (Швейкин приносит дело и, отдав его секретарю, уходит. Секретарь садится на свое место и просматривает дело).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

По моему мнению, этакие дворянские дела и до палаты-то доводить не следует. Это бы надо, знаете, порядком домашним, семейным, чрез предводителя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

То-то и есть... Ну, как же его судить, ведь ей-богу, совестно как-то... Ведь все же он, как хотите, наш брат дворянин. Ведь для чего-нибудь нас дворяне-то выбирали. Ведь это зна-

чит дворянство все разобидеть...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Гм! По моему мнению, тут должны войти другие соображения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что же по Вашему, какие?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Административные. Да, да, административные. Извольте видеть, если бросить сначала общий взгляд на дело, так выйдет, что оно более или менее касается помещичьей власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Касается. Касается, Петр Ильич?

СЕКРЕТАРЬ.

Касается.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Касается? хорошо. Теперь-с известно нам, что в видах правительства поддерживать власть помещика и звание дворянина? В видах ли?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Еще бы нет! разумеется!.,

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну, да; от этого зависит безопасность госу-

дарства; очень хорошо. Мы с вами что такое? разве мы не правительство?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Какое мы правительство! мы просто судебное место, да и все тут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Нет, нет, Семен Иваныч, Алексей Александрович прав. Мы как-то намеренно считались с управляющим палатою государственных имуществ, как же? Выходит, что я чуть ли не 4-е лицо в губернии: 1-ое губернатор, 2-ое вице-губернатор...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Совершенно так; следовательно, я понимаю, мы должны в этом деле руководствоваться более или менее правительственными соображениями, высшими, административными, понимаете?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, а насчет гувернантки-то?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Насчет гувернантки!.. Об этом надо подумать... Я подумаю, а, может быть, и особое мнение подам.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А мне сдается, что в деле о гувернантке-то замешалось что-нибудь такое любовное...

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

Оно так и есть, он мстил ей за то, что она не уступила его требованиям... Да это же было, кажется, причиною наказания крепостного человека, заступившегося за свою жену.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, так и есть; мудреное дело, господа; уж где эдакое замешалось, тут и разбирать трудно... По моему мнению, ну, коли вор, знаете, эдакой, явный, разбойник, убийца коли там какой... ну, такого суди!.. А это, что около казны кто поживился, да там эдак с бабой повздорил... тут, ей-богу, и судить нечего! Я бы все такие дела домашним порядком кончал, по-отечески, ей-богу!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да человек-то он, кажется, хороший! Конечно, правда выше всего, да уж коли где юридика-то эта требуется, так именно здесь. А она-то и подгуляла... Ну, конечно, может, нрав у него горячий. Он же вдов, так по женской части, может, того... хе, хе, хе! и слабенец

немножко.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, да что и говорить! Он, может быть, там и плут, конечно, да кто же не без слабостей!.. Все мы люди. Ведь коли по душе, по человечеству-то рассуждать...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вы все свое, Семен Иваныч, я уж Вам говорил, что по душе само по себе, а по закону само по себе.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да ведь эдак и всех нас можно под суд отдать, батюшка Алексей Александрович. Вспомню я свою молодость... Был я заседателем земского суда: то-то весело жили! У нас так все волости и были поделены: у исправника свои, у заседателей свои... Что в каждой волости примерно женского полу, то одного заседателя, что в другой — то мое. Приедешь, бывало, на следствие в волость, так как сыр в масле и катаешься. Сотские уж так дело свое и знают... Ну, конечно, с иной — ласкою, а иную и припугнешь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ха, ха, ха!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вот погулял-то, так погулял Семен Иванович. Эдак и нашему брату офицеру не всегда удается, ха, ха, ха!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да уж было дело, я вам скажу, хе, хе, хе! (*махнув рукою, трясет головой*) хе, хе, хе!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Так как же, господа? Петр Ильич, что Вы там высмотрели?

СЕКРЕТАРЬ.

(*привстав*).

Да нехорошо дело, Александр Матвеич; хотя он и не сознается, но я с своей стороны не только убежден, но даже нахожу полное основание к положительному обвинению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А доказательства есть?

СЕКРЕТАРЬ.

Да прямых, отдельных доказательств нет, но есть целая совокупность улик и несовершенных доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Э! совокупность улик!.. Это все равно, что ничего; нет, Вы мне подайте собственное со-

знание или двух свидетелей, или... что там еще? Ну, того, что называется прямым доказательством... А без этого и обвинить нельзя.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Отчего же нельзя? Трудно, но можно. Прокурор как-то сам говорил, что с помощью логики всегда можно.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да ведь логика-то, батюшка, у каждого своя. Вот был у нас старик председатель Кубышев; тот, бывало, об этой совокупности и слышать не хотел. Как, говорит, ведь совокупность— это значит по собственному своему разуму судить... Тут ошибись только — и грех! Он, бывало, всех в подозрении оставлял.

СЕКРЕТАРЬ.

Осмелюсь доложить, Александр Матвеич, Вы сейчас изволили подписать один приговор на основании этой же совокупности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Как? какой? где?

СЕКРЕТАРЬ.

Да о Филиппе Степанове, что корову украл...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, вот что еще вздумали, я было испугался!.. Корову!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
Совсем неуместное сравнение!
СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, батюшка Петр Ильич, это Вы не то говорите, сами посудите: во 1-х, дело идет о корове..,

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А во 2-х — это все же мужик. Помилуйте, тут совсем другое соображение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, да, не то, совсем не то. Ну, скажите, Петр Ильич, по делу о гувернантке-то какие доказательства?

СЕКРЕТАРЬ.

Во 1-х, показание собственных людей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, вот видите, господа! Собственных людей! Как же это мы, так и станем про барина холопу верить?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(хмурия брови).

Гм! Казус.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Не знаю, как теперь, а прежде так закон, помнится мне, строго запрещал принимать их в свидетели.

СЕКРЕТАРЬ.

Да и теперь он допускает их только в случаях, когда нет других свидетелей. Одна беда: показания-то разноречивы. Сначала они показали все в один голос против него, потом, видно, их Жомов застращал или подкупил, стали они от своих слов отказываться, но потом опять утвердили прежнее показание, а в уездном суде опять будто бы объявили, что их обвинение ложно. Но это ничего не значит и не ослабляет силы первого показания, тем более...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что Вы, что Вы, не торопитесь, как ничего не значит? Дело идет о дворянине. Как можно!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Беспристрастно говорю, Петр Ильич, это натяжка,

СЕКРЕТАРЬ.

Какая же натяжка? В первом своем показании они не разноречат друг с другом и гово-

рят согласно с прочими обстоятельствами дела; отрекаясь же от этого показания, они впадают в разноречия, нисколько притом не объясняющие других обстоятельств дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Не по-дворянски рассуждаете: стану я крепостных людей слушать!

СЕКРЕТАРЬ.

Но кроме этого есть его письмо к гувернантке. Прутья найдены у него в кабинете...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что ж он сказал про прутья?

СЕКРЕТАРЬ.

Говорит, что прутья у него заготовлены были, чтобы сечь детей и крестьян.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что ж? ведь и это все вероятно! Разве он не отец? Разве он крестьянина высечь не может?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Может. Не только может, должен иногда, обязан. Это дисциплина. У нас в военной службе каждый командир сечет сколько душе угодно! Нет, тут я юридического ничего не вижу. А что он сказал про записку?

СЕКРЕТАРЬ.

Отрекся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, вот видите, отрекся! Помилуйте!..

СЕКРЕТАРЬ.

Но сходство несомненное!..

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(продолжая подписывать).

А почерки сличали?

СЕКРЕТАРЬ.

Секретари уездных присутственных мест сличали... но просто невероятно, сходства не нашли...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(морща лоб).

Гм!

СЕКРЕТАРЬ.

Можно будет сделать новое сличение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что Вы, что Вы? Стану я делать новое сличение! Ведь эдак я разобиху и уездный суд!

СЕКРЕТАРЬ.

Как угодно-с. Есть еще показание крестьянина, слышавшего угрозы Жомова гувернантке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да это что! Вы сами сказали, что положительных доказательств нет. С его стороны кто свидетели?

СЕКРЕТАРЬ.

Есть один, отставной действительный статский советник Жигулин.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Действительный статский советник?.. Это то же, что генерал.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Жигулин?., знавал я одного Жигулина. Вот гуляка-то был, прости, господи!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Один свидетель, да хорош. Генерал! Генерал врать не станет, а коли и соврет, значит, уж уважительные основания есть, не даром... Что ж мы и генералу не станем верить? Ведь генерал двух свидетелей стоит!

СЕКРЕТАРЬ.

Такого закона нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Быть не может. У меня тесть был генерал, он мне всегда это говорил.

СЕКРЕТАРЬ.

Есть статья 1197 в XV т<оме>, которая говорит, что при двух противоречащих свидетельствах следует отдавать предпочтение знатному перед незнатным... Но...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, вот видите! Чего же больше? Я ведь за Жомова не стою. Бог с ним! Вы сами согласитесь — закон!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, закон прям.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да ведь, чай, дворян-то спрашивали, Петр Ильич, на повальном-то обыске?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, да, Вы скажите-ка, что дворяне?

СЕКРЕТАРЬ.

Да что дворяне, Александр Матвеич, дворяне человека два отозвались незнанием, а другие... *(приискивает в деле и потом читает)* показали... «что Жомов ведет себя, как прилично благородному российскому дворянину».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вот как! Ну, ведь почти больше и рассуждать нечего. Как же это? Дворяне говорят од-

но, а мы станем говорить другое?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, уж это не складно выйдет. Оно, пожалуй, до выборов еще года три, да все, знаете, того...

СЕКРЕТАРЬ.

Повальный обыск не доказательство.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, Петр Ильич, не говорите, это статья важная. Мне ведь все равно, Жомов или кто другой... Но ведь эти отзывы г<оспод> дворян, это ведь в некотором роде общественное мнение. Ну, а оно ведь везде и в Европе уважается...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(перебивая).

А что ж уездный суд?

СЕКРЕТАРЬ.

Уездный суд его оправдал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ И СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(вместе).

Оправдал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что ж Вы мне это с самого начала не сказали? Я бы и толковать не стал!

СЕКРЕТАРЬ.

Как угодно-с.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, послушайте, батюшка Петр Ильич, из чего Вы хлопочете? Я, ей-богу, не понимаю! Вам-то что за дело? Уездный суд оправдал, дворяне одобрили, доказательств эдаких, знаете, без логики-то, прямых нет... Мы-то из чего будем горячиться?..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Помилуйте! Зачем же губить-то, коли крайности нет! Да еще своего же брата дворянина... Мы и мужиков щадим...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, конечно, что за охота! Вот еще, коли может достаться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

И достаться не может... Я ведь видел, с ним и губернатор и прокурор вчера разговаривали. Ничего! Губернатор-то еще шутил с ним немало. Они там насчет петербургской мадамы какой-то говорили. Смеялись много. Вы ведь знаете, губернатор у нас сам того, не промах! хе, хе, хе!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Достаться не может, уездный суд оправдал... Чего уж тут! Он, может, и виноват, да черт с ним, нам-то что?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(к секретарю).

А велико дело?

СЕКРЕТАРЬ.

Листов 500.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

У!.. *(свистит).*

ВАХРАМЕЕВ.

(кончив писать).

А что, барин-то этот, видно, кулак? хе, хе, хе!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что Вы вмешиваетесь, Иван Фомич, не Ваше дело, о дворянах речь... Вы вот регистр-то пишете.

ВАХРАМЕЕВ.

Известно, не мое... я так только, к слову... *(встает, складывает очки, подходит к стенным часам, переходит к шкафу, потом к окошку).*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вы, Семен Иванович, говорите: черт с ним!

Я и этого не скажу. Ведь приговорить к тяжкому наказанию, да еще дворянина... Это... Это просто рука не подымается... Тут поневоле призадумаетесь. Добро бы кто велел или уж так закон в горле стал, что ни туды, ни сюды... А он еще и знакомый человек, и полковник, и такой милый, приятный.

СЕКРЕТАРЬ.

Мне, разумеется, идти против него не из чего; мне же лучше, не пойдет дело в Сенат, так и хлопот меньше... я так только, для справедливости.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Для справедливости? Что ж Вы думаете, Вы одни только понимаете справедливость, а мы не справедливы? Нет, господа (*встает*). Видите ли что? Я не то, чтобы был вполне согласен с Вами, Александр Матвеич, или с Вами, Семен Иванович, однако ж не могу не взять во внимание, во-первых, то, что на это дело следует смотреть с высшей точки. Тут, по моему мнению, главную роль играют соображения административные... Ну, и второе, мнение дворян, конечно. Все-таки наше состояние, высшее сословие!.. Общественное

мнение, что называется, opinion... Нельзя не уважать... согласитесь. Тем более, что и Екатерина Великая изрекла: «всякий да судится себе равными». Кажется, ясно? Может быть, он и виноват, но ведь мы судим по законам? Коли положительных доказательств не имеется, коли юридических, заметьте, господа, юридических доказательств нет, так если бы мы и хотели обвинить его, так не можем. Так ли? не можем? хорошо. Вы скажете: совокупность. Конечно, совокупность, я согласен, может быть, по совокупности и можно... но ведь совокупность совокупности рознь... Да и позвольте, господа, какая же тут совокупность, коли в его пользу показывает действительный статский советник, лицо почетное, лицо, как ни говорите, все-таки облеченное правительством в сан генерала? Это в законах стоит. Следовательно, мое мнение то, чтобы руководствоваться разумом закона, разумом, а не то, что говорит Семен Иванович, что надо судить по человечеству, или Вы, Александр Матвеич, что рука не подымается... Не то! Где нужно карать, там уж рука судьи должна подыматься! Непременно должна... Но карать

нужно ли? вот вопрос. Коли закон допускает, что можно и не карать, так карать было бы, может быть, жестоко... скажу более: непоэтично. К тому же мудрая законодательница России[30] сказала, помните? похвальнее, говорит, даже несправедливо оправдывать, чем справедливо обвинить. Но я стою все-таки за справедливость. Я держусь такого мнения: если следует обвинить — то обвинить; если можно оправдать — оправдать! Но коли оправдать, так уж сделать это, знаете, юридически, чтоб все было прописано в решении, законы, и общий взгляд, и административные соображения, и... и... ну и все-..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Дельно!.. Ведь дельно, Семен Иванович?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да уж это там пусть секретарь напишет, ему и книги в руки.

ВАХРАМЕЕВ.

(смотря в окно).

Вот, кажется, его превосходительство едет *(все бросаются к окну).*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Губернатор?.. Он, он, точно он., куда бы

это?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Не один, дама с ним какая-то.

ВАХРАМЕЕВ.

Это, должно быть, они супругу свою катают.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, да, это губернаторша... как нарядна!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Это, наверно, они в приют едут. Ведь это, знаете, по дамской части. А каковы рысаки-то (все возвращаются на свои места)... и кучер какой знатный!.. Ведь это я его губернатору-то рекомендовал. Возьмите, говорю, Ваше превосходительство, кучера Илью, под стать, говорю, будет Вашим коням!.. Ах, боже ты мой милостивый, приговоры-то еще у меня не подписаны! (принимается подписывать. Вахрамеев кланяется кому-то в окошко, делает знаки и незаметно уходит).

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же без Вахрамеева.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(подписывая журнал).

Что, губернатор будет нынче у Варвары

Петровны?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Непременно будет. И губернаторша будет. А уж завтрак какой Варвара Петровна приготовила. Я вам скажу!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Значит, grand dejeuner[31]?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да уж такой, что после него хоть и не обедай!.. Это все я устраивал... я к ней и клубного повара Степана отправил; сам горшки с цветами расстанавливал. Хлопот-таки было немало. Вот нынче, как ехал в палату, так заезжал и на кухню к ней, взглянуть, свежую ли стерлядь купили. Нельзя! Просит! Дело ее дамское. Это что у Вас, Петр Ильич, на полях-то карандашом выставлено? 10 или 20 ударов?

СЕКРЕТАРЬ.

(привстав).

О ком, позвольте узнать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(читая).

Да... о Егорове. Так мне что писать?

СЕКРЕТАРЬ.

20, 20...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Уж Вы, пожалуйста, мне это все карандашиком пояснее выставляйте... никак не разберешь[32] *(подписывает, Алексей Александрович толкает ногой Семена Ивановича)*.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(продолжая писать).

А что, Александр Матвеевич, не нужно ли ее превосходительству палату представить? Прежде у нас так водилось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Я уж думал, да губернатор говорит, что теперь это, мол, не принято. Ну, а я все-таки себе на уме, познакомился-таки с ней по-своему!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Позвольте спросить, это интересно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да вот как... как на днях было молебствие в соборе, по случаю приращения-то к царской фамилии, так я из собора-то и заехал к губернатору, как был, в мундире... Так, знаете, заехал, будто бы для того, чтоб о театре доложить... Навязал ведь он мне на шею и театр,

по хозяйственной части: хлопот, я вам скажу, немало... Тут, Петр Ильич, что, по делу мещанки Наливкиной? что поставить, плетьюми или розгами?

СЕКРЕТАРЬ.

Плетьюми 30 ударами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, плетьюми, так плетьюми! (*подписывает*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Это значит почти втрое. Мне намеднись экзекутор в губернском правлении новые плети показывал... трехвостные!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Так оно выходит 30 на серебро, ха, ха, ха! (*все смеются*).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Жаль, немножко не выходит, меньше немножко, а то почти так!., ха, ха!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(*подписывая*).

Да, так вот, сижу я у губернатора и говорю: что, ее превосходительство, чай, очень с дороги устать изволили?.. А он: нет, говорит, ничего, пойдёмте, я Вас ей представлю. А я-то, понимаете, так это нарочно и подвел: весь в

форме, знаете, штаны-то белые суконные, с лампасами!.. Ведь, думаю, скажут ей — председатель уголовной палаты, она и не поймет сразу, подумает — все равно, что уездный суд... А как белые-то, белые увидит, так и сообщит, что место-то генеральское!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да она, может быть, и не заметила...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(машет рукой).

Заметила, заметила!... глаза у нее такие быстрые, так разом человека с ног до головы и оглядит. Да как и не заметить!.. У меня ноги не спички какие-нибудь, не Семен Ивановичевым чета, хе, хе, хе!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

На высоких-то ногах штаны виднее, Алексей Матвеевич, у меня даром что худы, да зато длинные, хе, хе! *(вытягивает ногу; Александр Матвеевич вытягивает свою, Алексей Александрович также окидывает глазами свои ноги).*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и вахмистр.

ВАХМИСТР.

Ваше высокородие! Конвойные солдаты спрашивают: арестантам дожидаться прикажете или отпустить изволите?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Дождаться, разумеется, дожидаться. (*Вахмистр уходит*).

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же без вахмистра.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну, что губернаторша, любезна была с Вами?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Очень, очень любезна! Я говорю: как Вам, Ваше превосходительство, наш город нравится? Очень, говорит, нравится.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Столичная учтивость, не больше! Может быть, про себя-то она другое говорит. Впрочем, я ее вовсе не знаю.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ну, вот нынче познакомитесь, у Варвары Петровны... Александр Матвеевич, Вы бы молодого-то человека губернаторше представили... он ей и для балов-то пригодится...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

И прекрасно! Непременно представлю...
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Она, может быть, совсем этого не хочет. Зачем навязываться!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вот еще какой гордый! Ведь она все-таки губернаторша! не ей Вас отыскивать...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, может быть, ей это будет неприятно?... Впрочем, я не прочь... *(после некоторого молчания)*. Так мы вместе к Варваре Петровне и поедем?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

И прекрасно; я и лошадей-то домой не отпускал.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(смотря на часы).

Если уж так, ведь скоро надо будет и собираться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Нет, еще рано!.. Ну, Петр Ильич, возьмите Ваши приговоры, я их все подписал *(секретарь подходит к столу и собирает подписанные бумаги. Алексей Александрович встает и начинает ходить по комнате, напевая про се-*

бя вполголоса: тпра, тпра, тпра, тпру!).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, совсем из головы вон! Просила меня Аделаида Никифоровна о какой-то бабе ее, судимой...

СЕКРЕТАРЬ.

За покушение на самоубийство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, просит помиловать.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(кладя перо и зевая).

Помиловать всегда можно!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А в чем дело-то, я и не знаю. Обещал справиться. Вот Вы мне расскажите, Петр Ильич, а то, коли я нынче с ней у Варвары Петровны встречусь и дела знать не буду, так она ведь, знаете какая, заклюет!

СЕКРЕТАРЬ.

Да дело-то очень просто. Эта молодая бабенка была в связи с одним соседним дворовым человеком... муж и застал ее на месте преступления.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Это интересно *(останавливается и слуша-*

ет).

СЕКРЕТАРЬ.

Баба, разумеется, совсем повинилась, но со стыда и с горя, особенно, как она показывает, потому что муж не только ее не побил, но даже и не ругнул ни разу, а обошелся с нею кротко и ласково, баба и утопилась было.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вот странно! Отчего же тут было покушаться на жизнь?

СЕКРЕТАРЬ.

Она говорит, что ей от этого ласкового обращения сделалось, как она выражается, уж больно совестно, а муж объяснил, что вижу, говорит, как она и без того мучится, а потому уж и не ругал.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Странно! ну-с?

СЕКРЕТАРЬ.

Она и бросилась в реку, но ее увидели и хотя с трудом, однако ж вытащили; ее надо-с освободить (*писец из канцелярии говорит, полуотворив дверь: «Петр Ильич! пожалуйста, от губернатора пришли»*).

СЕКРЕТАРЬ.

Сейчас.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вас зовут? Ступайте, мы сами решим, Вы нам укажите только законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Извольте... Вот тут Уложение: 1943 статья и XV том (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же без секретаря.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да что тут решать, коли говорит, надо освободить. Мне хотелось только знать.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Еще лучше, Александр Матвеич, рассудить дело: во-первых, это роман; во-вторых, может быть, придется и толковать о нем у Варвары Петровны. Вот посмотрите (*читает в Уложении*) мм...мм...мм... «если кто покусился на жизнь из великодушного патриотизма» — это нейдет. «Из болезни»... Гм! нейдет. Я помню, что мне секретарь как-то вычитывал обстоятельства, смягчающие вину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да Вы посмотрите в оглавлении.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

В оглавлении? (*читая*) мм... мм...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Тут бы, кажется, и судить нечего. Бог простил: не утонула!..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вы опять, Семен Иванович, свое! говорил я Вам: бог сам по себе, а уголовные законы сами по себе! Мы юристы, поймите это, мы юристы (*смотрит в книгу*). Нашел, нашел (*читает*): «по глупости и крайнему невежеству...» как раз подходит.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А, знаю! это всегда вот как пишется: «по глупости, простоте и невежеству, свойственным крестьянскому быту».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А бабе в особенности, ха, ха!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А бабе в особенности! совершенно справедливо.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же и секретарь (с бумагою в руке).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Петр Ильич, мы решили. Освободить ее, вот по этой статье (*указывая ему статью*).

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю... да ее и без этой статьи освободить можно, ей следует только церковное покаяние.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как церковное покаяние? Там сказано — в случае болезни.

СЕКРЕТАРЬ.

Там немножко неясно сказано, но в случае покушения от болезни нет даже и покаяния церковного.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Так, так, точно... Помню, там немножко неясно...

СЕКРЕТАРЬ.

Вот, Александр Матвеич, его превосходительство губернатор прислал приговор по делу купца Панкратова. Он его не утверждает, а просит переменить[33].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, да, он мне вчера об этом в клубе говорил. Прокурор согласен... Мы, говорят, его слишком слабо присудили, Петр Ильич.

СЕКРЕТАРЬ.

К заключению в тюрьме на три месяца; че-

го же больше, Александр Матвеич?.. Он и без того уже два года сидит в тюрьме. Его посадили при самом начале следствия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Губернатору оттого-то и хочется, чтоб, по крайней мере, на год: приличнее, говорит; дела-то в Сенат, по несогласию с нами, он переносить не желает, так и просил меня переделать это, так, между нами, домашним порядком.

СЕКРЕТАРЬ.

Трудно, Александр Матвеич.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, уж постарайтесь!.. Нельзя же иногда и не угодить губернатору; дайте-ка сюда приговор... *(берет приговор, вырывает из него лоскуток бумаги и рвет его на части, потом передает его Семену Ивановичу и Алексею Александровичу, которые делают то же)*. Господа, не угодно ли уничтожить свои подписи? Семен Иванович, Алексей Александрович...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Пожалуй, пожалуй!... Несколько лишних месяцев еще не беда... Конечно, ведь я мог бы не согласиться, ну, да не стоит! Лучше уж, по

моему мнению, при каком-нибудь, знаете, важном случае поупорствовать, а тут...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Ведь коли дело в Сенат пойдет гулять, так, пожалуй, и дольше просидит!..

СЕКРЕТАРЬ.

(пожимая плечами).

Для нас-то оно лучше... Меньше хлопот, а теперь и без того много работы, время уж позднее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

В самом деле, позднее! Ведь год-то на исходе!.. Надо об отчетах подумать, господа! Ведь вот третьего и прошлого года у нас итоги были чисты. Ни одного дела нерешенного за палату не осталось. Мило было глядеть! Да уж и губернатор-то меня как благодарил!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А сколько в прошлом году было у нас дел?

СЕКРЕТАРЬ.

597.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Слышите, 597 с одним секретарем, тогда как почти везде по два. Зато ведь *(улыбаясь и потирая руки)*, говорят, мы у министра на от-

личном счету...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Иначе и быть не должно! Вы то сообразите, ведь, в самом деле, почти никогда не манкируешь[34], сидишь по нескольку часов, воротишься домой просто измученный!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ох! хорошо бы, знаете, коли в нынешнем-то году набралось бы дел еще побольше, и все были бы решены! а? то-то бы славно!

СЕКРЕТАРЬ.

Нынче у нас будет, я думаю, до 650.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Э! право!.. А много ли нерешенных-то?

СЕКРЕТАРЬ.

Еще дел с сотню осталось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что Вы говорите, Петр Ильич, с целую сотню? Да когда же это мы успеем?

СЕКРЕТАРЬ.

Как-нибудь да очистим. Я и сам знаю, что без этого нельзя. Министерство закидает запросами, так что и не отделаешься! Вот извольте посмотреть, я составил роспись нерешенным делам (*берет с своего стола бумагу*

и подает ее председателю). Вот если Вам угодно будет меня разрешить... Извольте видеть... вот эти 20 дел — об утопившихся, удавившихся, повесившихся, о нечаянных пожарах и других происшествиях, в которых виновных не открыто. Прикажете их предать, по обыкновению, суду и воле божьей?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Предать, предать, непременно предать.

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю-с. Они не составят затруднения, по ним резолюции и столоначальники напишут. Вот еще 15 дел о бродягах и непомнящих родства. Тут резолюция известная, 1178 статья.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

То есть?..

СЕКРЕТАРЬ.

Их следует наказывать розгами от 30 до 40 ударов и отдать в арестантские роты на срок от 10 до 12 лет, а женщин в рабочие дома от 15 до 18 лет. Так прикажете по 1178 статье?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

По 1178 статье. Валяйте, с богом!

СЕКРЕТАРЬ.

Вот еще дел с 16 или 18, очень крупных...

Лежали они у нас, лежали, да никак не успели ими заняться.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что с ними церемониться? К исследованию их!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Разумеется, к исследованию! К справкам.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Если можно исследовать, так исследовать.

СЕКРЕТАРЬ.

Исследовать-то можно... по крайней мере, за нами числиться не будут... Вот еще два дела: первое об убийстве мещанина Семенова, а другое по жалобе крестьянина князя Каталина на управляющего, в 1000 листов. Уж я не знаю, как с ними и быть. Первое-то дело тянется уже пять лет, тут есть арестанты и арестантки... давно сидят, нечего сказать! Ну, а по другому арестованных нет. Мы уж эти дела два раза обращали к исследованию, что ж делать? Как нарочно поступят в конце года!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Нельзя ли опять к исследованию?

СЕКРЕТАРЬ.

Нет, уж теперь нельзя! Хотел было цели-

ком пустить в решение мнение уездного суда, да невозможно, так плохо, что ничего не поймаешь! Вот, если позволите, можно будет придраться к тому, что в одном деле нет всех скреп по листам, а в другом, как я успел заметить, не все бумаги подписаны депутатом коннозаводского ведомства... Тут больше месяца проволоочки не будет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Чего же лучше? Придирайтесь к чему хотите, только чтоб дело за нами не считалось!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да Вы смотрите, отошлите их в уездный суд для исправления попозже, а то ведь он, бестия, пожалуй, исправит и воротит их еще до окончания года, дён через пять, пожалуй.

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю-с; ну, вот это дело об обер-офицерском сыне Маркотине, слава богу, теперь меня уже не беспокоит... А преогромное дело! да, к счастью нашему, умер... есть донесение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

И прекрасно.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

«И лучше выдумать не мог», как говорит

Пушкин[35].

СЕКРЕТАРЬ.

Вот эти дела пойдут на заключение палаты государственных имуществ. Эти дела... сколько их? раз, два, три... всего восемь, я кончу на днях. Ну, а с остальными как-нибудь справлюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

То-то же, Петр Ильич, пожалуйста! Ну, сколько на нынешний день Вы запишете решенных дел?

СЕКРЕТАРЬ.

Дел с 12. Да вот что, Александр Матвеич, Вам известно, что и нижние инстанции теперь из кожи лезут, чтобы очистить и спихнуть на ревизию свои дела... Новых много поступает. Так разве по примеру прошлого года?..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

По примеру прошлого года, непременно! Скажите регистратору, чтоб с 15 числа поступления в палату дел во входящую-то не записывал, а складывал бы их там, в особом шкапу.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Уж лучше бы с 10 декабря, Александр Матвейч; у нас, бывало, председатель Жолобов всегда с 10 декабря прекращал записку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Раненько, Семен Иванович, нехорошо. Мне и прокурор говорил... Нет, уже с 15-го.

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю-с.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, позвольте, ведь их там из уездного суда выключат, а у нас не запишут, где ж они числиться-то будут?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хе, хе! Да так, между небом и землей. Вы еще внове, этого порядка не знаете. Так, ба-тюшка мой, везде водится, и в Сенате даже!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да как бы за это не отвечать?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Эх Вы, неопытность! Ну, кому до этого дело? Эдак-то лучше: и начальству приятно, и убытка никому нет. Месяцем раньше, месяцем позже, не беда! Зато уж всякий номер очищен.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну да, конечно, для репутации палаты, я согласен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Нет, это все хорошо, Петр Ильич. Старайтесь, молодой человек, старайтесь! Начальство увидит Ваше усердие и...

ЯВЛЕНИЕ XX

Входит Вахрамеев.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да где это Вы, Иван Фомич, пропадали?.. Вот поди с ним? Ему бы докладной переписывать, а он себе там чаек в трактире распивает.

ВАХРАМЕЕВ.

Хе, хе! Нет-с, я так; человечка одного, нужного, в окошко увидел, так поговорить это надо было... Ведь нельзя же, Семен Иванович, дело-то наше торговое (*садится на свое место*).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Говорили вчера в клубе, что нам новые штаты вышли.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да уж об этом лет 40 говорят.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А пора, давно пора! Я просто не понимаю,

как это у нас юстицию, статью-таки довольно важную, совсем в черном теле держат. Ну, что это за жалованье? Ну хоть бы мое! Просто смех! Да и Ваше, Александр Матвеевич, тоже?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да ведь как обидно-то! Посмотрите-ка, что это за штаты у казенной палаты, да у государственной! Один председатель сколько получает!., я уж о косвенных доходах и не говорю... Нет, жалованьем-то, жалованьем!.. Ну, что станешь делать? Чем же наша палата, спрашивается, хуже других?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Помилуйте: важнее, во сто раз важнее! Ведь тут какие все дела: о жизни, о чести. Ведь тут все-таки на душу берешь? И за это все такое жалованье, что просто иной раз совестно и сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(вздыхая).

Хоть бы господь бог помог по представлениям-то что-нибудь получить! О себе я и не говорю... обо мне, я знаю, губернатор-таки похлопочет... а о вас, господа, я уже готовлю представление (все, кроме Вахрамеева, кланя-

ются).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Вас, я думаю, Семен Иванович, лучше к чину!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Это все, как Ваше благорасположение будет. Дадут — хорошо. Нет — я и так проживу и служить стану, я ведь здесь, знаете, по привычке больше. Ну, конечно, коли еще новый чинишко наростет, так он хотя и неважный, а все же как-то, годам-то моим, больше в порядке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А Вам, Алексей Александрович, Вы человек молодой, Вам, я думаю, орденок лестнее будет?., я Вас к ордену представлю...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(с чувством).

Не дадут, Александр Матвеич; чувствую, что не дадут! Мне уж такое несчастье на роду написано! Сколько раз, бывало, представляли: то формуляр не по форме, то представление опоздает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, может, на этот раз и удастся.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Откровенно скажу: желал бы. Вкус военного человека! Премного Вам благодарен, Александр Матвеич..

ВАХРАМЕЕВ.

Вот Вы, Александр Матвеич, изволите говорить, что жалованья Вам недостаточно... Да уж Вас за это, за труды-то Ваши государь, по крайности, жалует, когда чином, когда и крестом. А нашему-то брату, хоть весь век служи, отличий никаких нету-ти!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Вы зато из чести служите, ха, ха, ха!

ВАХРАМЕЕВ.

Да что в ней, в чести-то, только один убыток. Мне бы вот теперь в лавке сидеть, ан нет, ступай в палату! Хоть бы медальку-то по крайности повесили.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да за что Вам давать-то? У Вас докладной регистр словно рак ползет. Хоть бы примерно пожертвовали что-нибудь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, да! Вот ты сперва пожертвуй, Иван Фомич..!

ВАХРАМЕЕВ.

Да мы и то жертвуем! Вот, не угодно ли взглянуть, Александр Матвеич (*вынимая из-за пазухи бумаги*)... Это у меня счетец, так, примерный сделан, что с нас на разные пожертвования-то сошло!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да и глядеть нечего, все по мелочи!

ВАХРАМЕЕВ.

Не все по мелочи, Александр Матвеич; вот мы на церковную ограду к Николе и на священство разом 1000 Рублев отсыпали. Преосвященный это уж как благодарил, и в Синод представил... А Синод-то,— что с ним станешь делать! одно благословенье прислал! Оно, конечно, и благословенье хорошо, да ведь его на шею не повесишь, благословенье-то!.. А против людей-то обидно, Александр Матвеич, право, обидно! Вот Фалееву-то другая медаль вышла.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Я тебе, Иван Фомич, хоть бы три медали навесил, да сам знаешь, не за что! Ты пожертвуй эдак покрупнее да повиднее... ну, да 3000 рублей примерно, хоть на устройство присут-

ственных мест... будет тебе медаль!

ВАХРАМЕЕВ.

Больно дорого станет, Александр Матвейч!
Оно бы еще можно пожертвовать, коли бы уж
это наверно знать-то.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(подходя между тем к окошку).

Кто-то подъехал? Фу, какой конь богатый!

ВАХРАМЕЕВ.

Да Вы мне уж позвольте, Александр Матвейч,
к Вам в воскресенье-то зайти. Может, Вы
что и уступите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Заходи, пожалуйста!

ЯВЛЕНИЕ XXI

Те же и вахмистр.

ВАХМИСТР.

Полковник Жомов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Проси, проси! *(Все усаживаются. Вахрамеев берет газеты и в продолжение следующей сцены за чтением их то задремывает, то вздрагивая просыпается. Вахмистр уходит и чрез минуту бежит назад и растворяет дверь).*

ЯВЛЕНИЕ XXII

Те же и Жомов.

ЖОМОВ.

(быстро подходя к председателю и пожимая ему руку, громко).

Александр Матвейч, Александр Матвейч, имею честь кланяться!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Здравствуйте, Илья Андреевич, здравствуйте, мы уж с Вами люди знакомые, садитесь, прошу покорно...

ЖОМОВ.

(обращаясь к Семену Ивановичу).

Семену Ивановичу мое почтение. Имею честь рекомендоваться: по милости царской, сын барской, ха, ха, ха! Илья Андреев Жомов, отставной полковник, здешней губернии помещик...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(раскланиваясь).

Слышал, слышал-с!

ЖОМОВ.

(обращаясь к Алексею Александровичу).

Monsieur Жабин, j'ai honneur[36] ...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(торопливо, пожимая ему руку).

Charme[37]!.. *(Семену Ивановичу тихо).* Эге, да он и по-французски!.. молодец!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Прошу покорно, без церемоний, садитесь, вот тут на кресло *(сажает подле себя на углу стола).*

ЖОМОВ.

(садясь и осматриваясь кругом).

Да вы это, господа, в палате что ли сидите, ха, ха, ха!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А что?

ЖОМОВ.

Да здесь просто барская гостиная, а не палата!.. Какая тут палата. Вы меня извините: я человек военный, у меня что в мыслях, то и на языке, ха, ха! Я вам по правде признаюсь, господа, я ведь полагал, что здесь такой же, с позволения сказать, хе, хе, хе! такой же коровий хлев, как и в нашем уездном суде, хе, хе, хе! ей богу.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Это у нас все стараньем Александра Матвеевича.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(скромно).

Нет, отчего же... я так только, признаться, нечистоты не люблю.

ЖОМОВ.

Да Вы не скромничайте, Александр Матвейч, дело-то ведь на виду... А Вам за то и спасибо, премного спасибо! Оно у вас и под судом-то веселее быть, ей богу! Вот и зеркало-то есть (заглядывает в зеркало)... Есть где подсудимому и в зеркальцо посмотреться... ха, ха, ха! (все громко смеются).

ЖОМОВ.

Да-с, вот оно как, Александр Матвейч, как подсудимый являюсь я к Вам, как подсудимый-с!.. и полковник я, и помещик я, а подсудимый! хе, хе, хе! Даже смешно, ей богу!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, мы вот сейчас об Вашем деле имели рассуждение...

ЖОМОВ.

Да ведь мне только и утешения, что на благородных людей напал! Ну, думаю, пошло дело в палату, слава тебе, господи, немного уж там возьмут мои злодеи-то!.. Тут ведь, ду-

маю, столбовые сидят, не на ваш подлый аршин меряют. Ведь вот, господа, вы теперь и сами, чай, видите: дело-то ведь выеденного яйца не стоит, а вон в какую гору раздули!.. Да уж коли отдали нашего брата помещика к этим становым приставам[38] под начало, так уж тут чего ждать? Всех помещиков переведут, право.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, уж это народ бедовый!

ЖОМОВ.

Ведь, коли по правде вам сказать, господа, так, по откровенности-то, ведь это все от пристава и дело-то началось. Разозлился бестия, что я ему мало плачу, извольте видеть, да еще с бабами моими шашни завел, каналья! Ну, знаете, как дело-то началось, я ему эдак, понимаете, попросту, по-солдатски-то и говорю: что ты там мутишь, чернильная твоя душа, я тебя не боюсь, я перед богом и государем ни в чем не согрешил... Вот тебе и не боюсь! Вот он и настряпал дело! дайте, говорит, 500 рублей, я дело улажу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ах он мошенник!

ЖОМОВ.

Меня, знаете, это и взорвало. Не дам, говорю, тебе, каналья, не дам — ни полушки! Мне не 500 рублей жаль; 1000, 2000, 10 000 раздам, коли нужно, да не тебе червяку, а кто почище да повыше!.. Да уж, видно (*вздыхая*), надо было ему заплатить, нечего делать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Нет, нет, зачем... будто уж нигде и правды нет. Вот мы и нынче говорили... вот, не знаю только, как это обстоятельство насчет гувернантки-то?

ЖОМОВ.

Что насчет гувернантки? Да я тут хоть перед царя на суд пойду! да я и вам, господа, откроюсь, таить не стану. Сами изволите видеть, человек я военный, правду-матку люблю. Взял точно, взял я к себе гувернантку, к детям. Сироты, знаете, матери нет, человек-то я вдовый. Ну-с, гувернантка-то из Воспитательного дома, русская... девка, я вам скажу, такая крупная, бойкая...

ВСЕ.

(*кроме Вахрамеева*).

Хе, хе, хе!

ЖОМОВ.

(продолжая).

Юлит, бестия, так около меня, тут прошмыгнет, там прошмыгнет... Ну, я, нечего греха таить, хе, хе!.. по-нашему, по-кавалерийскому-то, и того... хе, хе, хе!.. Ну, согрешил! ну, пал! ну, карайте, казните, бросайте камнем!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Помилуйте, как можно? это дело не такое!..

ЖОМОВ.

То-то-ж и есть! Так судить меня разве за это, что ли? а? судить? что я человек есмь — за это? Вот Вы, Алексей Александрович, сами недавно из военной-то службы вышли... Ну-ка, батюшка, признавайтесь, что Вы, много что ли бабам-то спуску давали? а? Чай, ни одна не отвертелась, по лицу вижу... ха, ха!

ВСЕ.

(кроме Вахрамеева).

Ха, ха, ха, ха! *(Вахрамеев таращит спросонья глаза, потом, прикрываясь газетой, плюет в сторону: «тьфу!»).*

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ха, ха! Ну, конечно, не без этого. Уж точно, бывало, не попадайся, ха ха!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да, Алексей Александрович у нас ходок!..

ЖОМОВ.

А Вы, Семен Иванович, не ходок, что ли? Знаем мы Вас! Мне Жигулин-то все рассказывал, как Вы с ним погуливали, хе, хе, хе!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хе, хе, хе! Да с вами беда, ей богу! Было того-с!.. Не бесплотные и мы-с, хе, хе, хе!.. А что Жигулин, здравствует себе? ничего?

ЖОМОВ.

Ничего, слава богу, приятель мне сердечный! Да уж и человек-то какой! Поверите ль, он до сих пор супругу Вашу поминает. Что, говорит, за барыня такая была!..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как же, я и сам слышал про Марью Осиповну... Grande dame[39], говорят, была просто!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(помолчав).

Да, господа, могу похвастаться... *(с чувством)* я такой женщины и не видывал... да и не рождаются уж, кажется, такие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Не имел чести знать.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(с возрастающим жаром).

Я Вам вот что скажу, Александр Матвеич, я так ее любил, что вот теперь 20 лет прошло, как она умерла-то, без слез и вспомнить не могу *(задумывается)*. И какого нрава-то была, ангел! Ни дать, ни взять, ангел! Надо вам сказать, господа, что я-таки довольно долго ее добивался... был там у нее другой на примете... да тот как-то ее там эдак и обманул... Она и пошла за меня... Ну, и отец-то ее меня как родного сына любил... Да недолго только прожила со мною голубушка, всего четыре годочка!.. *(утирает слезы и дрожащим голосом)*. Я и теперь все ее вещи свято берегу... все, что только завещала покойница, все выполнил, ничего не забыл... я просто... я уж и не знаю, как я ее любил... Поверите ли, Александр Матвеич, уж коли эдак, по душе-то, раскрываться-то, поверите, как пришлось мне, знаете, взять к себе — того... понимаете... по немощи-то человеческой — крестницу ее выбрал, девушку-мещаночку!.. По крайней мере, всякий раз вспомнешь ее, мою голубушку *(плачет)*.

ЖОМОВ.

(утирая глаза кулаком).

Разжалобили Вы меня совсем, Семен Иванович, я и сам вдовец! *(жмет ему руку).*

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Так, батюшка, так, одно горе терпим! *(несколько, минут молчания).*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Так как же, Илья Андреич, Вы начали говорить...

ЖОМОВ.

Да-с, насчет гувернантки-то? хе, хе, хе! Вот я с нею и того... месяц, другой, третий... ну и будет! Надоела бестия, бесстыжа больно! Я, знаете, эдак по простодушеству своему думал, тем дело и кончилось... Куда! она, извольте видеть, забрала себе в голову, что барин, дескать, на мне женится! ха, ха, ха! Как не так! Не на того напала! Я же, знаете, тут немножко эдак соседкой своей занялся, хе, хе, хе!.. Вот она и разозлилась, да и свела интригу с канальей становым, ну, и придумали вместе, как бы, знаете, деньжонок из меня повытянуть!.. Растравила, мерзкая, себе спину, да и пустила слух по околотку, будто я ее высек, извольте

видеть!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Скажите как!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Это уж просто адский умысел.

ЖОМОВ.

Подлинно адский, справедливо изволили заметить!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что ж, лекарь-то на теле знаки свидетельствовал?

ЖОМОВ.

Свидетельствовал: так себе, ничего, пусячки, дрянь!.. Это, она говорит, оттого, что уж зажило; я, говорит, после сеченья три недели в постели лежала!.. Нет, уж коли я бы вздумал высечь, так у меня бы, я вам доложу, и в 6 месяцев бы не зажило! ха, ха!.. И людей моих было совсем с толку сбили: они от страха сначала в угоду становому и показали, да потом опомнились, греха побоялись.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, вот, скажите, какие случаи-то бывают!..

ЖОМОВ.

Мало того, Александр Матвейч, это что? а вот Вы послушайте дальше: диковеннее штука есть! Я-де ее и купоросным маслом обмазал! Сама как-то облилась, тварь эдакая распутная, да уж заодно и всклепала на меня! Ну, да шалишь, далеко хватила!.. Так вот-с, извольте видеть, какой я пред Вами изверг сижу, ха, ха, ха!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Изверг, изверг, ха, ха, ха!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Это она Вас в Иваны Грозные пожаловала, ха, ха, ха!..

ЖОМОВ.

Иван Грозный, да-с, Вы со мной очень-то не шутите, ха, ха, ха!.. Ну-с, что там еще? Записки там какие-то мои любовные нашли... Точно, я писал, лгать не стану, я пред Вами как на духу, ну, а на допросе отрекся! И Жигулин говорит: отрекись, пуще запутаешься... (понижая голос). Это я только вам открываюсь, господа... Я и в связях-то с нею не признался... чего доброго, думаю, пожалуй, еще публичному покаянию предадут, право! Может быть, здесь и рассказывать не следовало,

ну, да я так, между нами, по душе говорю, entre nous[40]!.. Сами видите, каков я (*раздвигая ладони*), весь тут! Хотите меня за это простосердечие-то мое казнить, так казните, в вашей воле, составляйте протокол!..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Нет, нет, помилуйте, что Вы! за кого Вы нас принимаете? мы очень ценим Вашу откровенность, Ваш характер...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ценим, ценим, будьте уверены.

ЖОМОВ.

То-то, господа! а я себе своим характером сколько врагов-то нажил! Ну, да не могу! Что прикажете делать; уж, видно, таким и останусь!.. Вот выдумали еще,— там увидите в деле,— что я Антошку своего запорол за то, дескать, что он меня к жене своей не подпустил... Ха, ха, ха! Очень мне нужно, жену-то его! Бабенка-то такая скверная, смотреть не на что!.. Будто уж мне и взять-то неоткуда! У меня, слава богу, и получше ее есть... Антошку я выпорол точно, за то, что на барщину не пришел. Выпорол, да и пожаловал: я теперь его из крестьян к себе на конюшню приста-

вил... *(с жаром)*. Что же, и за это судить меня? Мне мужика выпороть нельзя, что ли? Мне своего холопа и побить нельзя?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Как можно! это вы право всегда имеете...

ЖОМОВ.

(не слушая, с жаром).

Нет, вы мне скажите, властен я, что ли, над своим мужиком или нет? а?.. Барин ли я или нет? а? Помилуйте, что это такое! Как, я 20 лет служил царю и отечеству верой и правдой, а тут уж и холопа высечь не смей! Да это, это я не знаю что! Это светопреставление просто! Вы меня извините, господа, а уж я этого и стерпеть не в силах! Умирать стану, а говорить буду! Может быть, нынче уж так меж дворянами повелось; может, и вы так рассуждаете?..

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Что Вы, что Вы, Илья Андреевич, вот мы еще нынче говорили о помещичьей власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Нет, нет, мы сами дворяне, как дворянство не уважать!

ЖОМОВ.

Конечно, помилуйте! Опора престола!.. Как же тут становому в помещичьи дела рыло свое совать? Ведь это бунт! Ведь это значит священнейшие обязанности колебать?.. я ведь за вас же, господа, ратую!.. Мне что... меня, может, за мою правду-то вы и в Сибирь сошлете... хе, хе, хе! может, еще и в каторгу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

В каторгу, в каторгу! ха, ха!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

На рудники, Илья Андреевич, непременно на рудники... ха, ха, ха!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Хе, хе, хе!

ЖОМОВ.

Ха, ха, ха!.. *(утирает глаза от смеха)*. Вот то-то, господа, оно смешно, а на деле-то, как там ни говорите, я все-таки под судом! Ведь оно благородному человеку тяжело, как хотите, тяжело!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Очень, очень это понимаю!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

А квитанции-то с чего ж они на Вас наклепали?..

ЖОМОВ.

Ну, это дело пустое! Тут и доказательств никаких нет. Поймали мужика моего, извольте видеть, с фальшивою квитанциею... Он продавал ее. Черт его знает, где достал. Ну, и велели ему сказать, что это, мол, барин мне дал для продажи!.. Как же, и с обыском у меня были, да ничего не нашли! Ну, знаете, мужика-то уверили, что он и свободу получит, и уж черт знает что... А мужики-то наши, сами извольте знать, какой народец-то! Им бы только на печи лежать и помещичьей работы не делать, а уж барина оклеветать нипочем!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, бестии, и мне оброка не платят! надо будет приняться за них поостроже!

ЖОМОВ.

Что Вы, что Вы, Алексей Александрыч, поостроже! Бог с Вами! Как раз под суд угодите, ха, ха, ха!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Пожалуй, чего доброго! ха, ха, ха!

ЖОМОВ.

(после некоторого молчания).

Что, Вы нынче будете в клубе, Александр

Матвеич?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Хотелось бы!.. Разве эдак попозднее?.. А какова игра-то вчера была!

ЖОМОВ.

Удивительная! Отпотчивали Вы меня порядком! Ведь эдак везло, эдак везло!.. Да уж я нынче реванш возьму, как хотите, возьму!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Хе, хе! Ну, как опять проиграете?..

ЖОМОВ.

А, может, и не проиграю!.. Не всегда же Вам такое счастье!.. Приезжайте, Александр Матвеич, право, приезжайте! Что Вам над бумагами-то корпеть? Полюбились что ли они Вам больно? хе, хе, хе! Нечего сказать, лакомый кус!.. Да мне кажется, хоть золотые горы сули, а в службу не заманишь, ей богу... Ведь вот, как я кругом-то посмотрю, бумаг-то что, господи, бумаг-то!.. И Вы так здесь каждый день?..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Каждый!.. Да еще как, Илья Андреич, иной раз часов по 6 сидишь, да натошак; и есть-то хочется, и курить хочется, а нечего делать,

служба!

ЖОМОВ.

(пожимая плечами).

Ну уж, признаться! Ведь вот сказал бы, да боюсь: лестью назовете! А что богоугодно, так богоугодно, воля ваша!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(вздыхая).

Не все так рассуждают, как Вы, Илья Андриич.

ЖОМОВ.

(смотря на часы).

Ой, ой, как я у вас засиделся. А мне к Рыбакову пора, вишь его, злодея, куда черт занес! Экая даль!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Рыбаков-то? Совсем за городом. Ну, да у Вас конь лихой, мигом довезет.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да! славная лошадь... своя?

ЖОМОВ.

Своя, своя, я за нее 500 рублей дал.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

И своего завода?

ЖОМОВ.

Нет, зятя моего... и то ведь так, по знакомству, никому не продает... А Вы до лошадей охотник?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Как же! Страсть моя... да здесь порядочных лошадей достать трудно... воейковские и орловские слишком дороги.

ЖОМОВ.

Да позвольте мне Вам услужить? У моего зятя не хуже воейковского завод, он мне уступит охотно. Сколько Вам? одну или пару?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Одну... но как же это?.. Нет, нет, помилуйте!.. Что же Вам беспокоиться, я и сам...

ЖОМОВ.

Что Вы сам? Ничего Вы сами не сделаете... ха, ха, ха! Алексей-то Александрович думает, что я ему взятку хочу дать... ха, ха, ха! (все смеются) экой бессребренник, право, хе, хе, хе! Нет, батюшка, будьте покойны, не будет Вам взятки, не будет! Денежки-то мне за лошадь все-таки подайте! хе, хе, хе! Нет, без шуток, Алексей Александрович, я Вам к рождению лошадь-то пришлю, ну, а деньги, как случится, хоть после... хоть вексель дайте, коли

не верите... ха, ха! (*встает, за ним все встают*). Ну-с, Александр Матвейч, позвольте мне Вас поблагодарить за Ваше истинно отеческое расположение... И вас, господа, также... Просто на душе веселее стало... Вы меня извините... я ведь что думаю, то и говорю! Мое почтение-с.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(*пожимая руку ему*).

Прощайте, прощайте, Илья Андреевич, до свидания!

ЖОМОВ.

(*Семену Ивановичу*).

Прощайте, батюшка Семен Иванович, надеюсь еще иметь удовольствие видеться... (*к Алексею Александровичу*) Au revoir[41] monsieur Жабин!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Прощайте, Илья Андреич.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Bonjour,[42] monsieur Жомов! (*раскланиваются, жмут друг другу руку, Жомов уходит*).

ЯВЛЕНИЕ XXIII

(*Те же без Жомова*).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Славный человек! славный. Оправдать его, непременно оправдать!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, вот, я так и говорил... ну, как его обвинишь? Никак нельзя!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Он, может быть, по делу-то и не очень чист, ну, да ходок, знаете... Что делать!.. Кто богу не грешен. А человек — ничего, молодец!

ВАХРАМЕЕВ.

(тихо, к Семену Иванычу).

Греховодник, должно быть! Слушать-то срамота такая...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Полно Вам, Иван Фомич, ведь читали, чай, в писании: «не суди, да не осужден...»[43]

ВАХРАМЕЕВ.

Это точно-с; это верно-с. А все-таки срамно...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ха, ха, ха! вот она, патриархальность-то нравов!.. А знаете, господа, я думаю, дело-то и вправду пустое. Да и гувернантка-то должна быть в самом деле распутная!.. Однако ж не пора ли нам, Александр Матвеич, у Варвары

Петровны, чай, рано собираются?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Пора-то пора! да вот с арестантами покончим.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ах, да!... еще эти арестанты!

СЕКРЕТАРЬ.

(высунув голову в канцелярию, кричит)

Арестантов!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Уж Вы, Петр Ильич, насчет Жомова-то напишите... вот, как мы говорили, понимаете?..

СЕКРЕТАРЬ.

(слегка пожимая плечами).

Слушаю-с.

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Вахмистр растворяет обе половины дверей в канцелярию настежь. Раздаются тяжелые шаги и шум цепей; входят, в сопровождении солдат с ружьями, два арестанта в ножных кандалах, одна пожилая арестантка и одна молодая с грудным ребенком. Последняя тихонько плачет, по временам утираясь концом головного платка; арестанты, предварительно помолясь на икону, становятся в две-

рях. Писец Галкин выходит вперед с бумагою в руках, несколько в стороне от него становится Швейкин, также с приговором в руке, и во все время чтения Галкина перемигивается и пересмеивается потихоньку с канцеляристами, густо столпившимися сзади арестантов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Читайте!

ГАЛКИН.

Гм! Гм!.. (читает несколько сильным голосом). «Приказали: из дела видно: Морозовской волости, деревни Подушкиной, крестьяне Анисим Прохоров и Дормидонт Кондратьев обвиняются в том, что, желая изловить крестьянина казенной деревни Аксютинной Дементья Прокофьева, который, по общему слуху, уже два года упражняется в воровстве-краже и в воровстве-мошенничестве в окрестных деревнях и который, по их мнению и по общей народной молве, увел будто бы незадолго перед тем у вышереченных крестьян трех лошадей, подстерегли в ночь с 3 на 4 мая того Дементья Прокофьева в то время, как он пробирался ночью в амбар односельца их крестьянина Терентьева, поймали и на-

несли ему побои и тяжкие раны посредством ударов топорами в голову, отчего Дементий Прокофьев тут же на месте и умер. После того означенные крестьяне с помощью крестьянской жены Ирины Семеновой отвезли труп убитого в лес, где и зарыли его; однако ж месяца через два, по распространившимся о том слухам, оподозренные становым приставом, крестьяне Прохоров и Кондратьев были им взяты и с первого же запроса учинили во всем добровольное признание. Хотя крестьяне Прохоров и Кондратьев и приводят в свое оправдание, во 1-х, что они выведены были из терпения бездействием будто бы земской полиции и грозящим им разорением, если воровства будут продолжаться; во 2-х, что они не имели никакого намерения убить Прокофьева, но смерть ему произошла в драке, при сопротивлении его и при покушении к побегу, однако ж сии оправдания во внимание приняты быть не могут, ибо о том, что Прокофьев точно занимался воровством, положительных доказательств нет, да и жалоб на Прокофьева со стороны обворованных будто бы им 20 человек крестьян никаких в делах

станового пристава не оказалось. Употребление же при поимке такого оружия как топоры противоречит второму оправданию крестьян... А потому преступление их, по мнению палаты, совершенно подходит под 1926 ст<атью> Уложения, по которой учинивший убийство, хотя и без обдуманного заранее умысла в запальчивости или раздражении, но однако ж не случайно, а зная, что посягает на жизнь другого, приговаривается к наказанию по 4-й степени 21 ст<атьи> Уложения. По одобренному их поведению и по другим обстоятельствам, смягчающим вину (пункт 1 и 5 — 140 ст<атьи>), наказание должно быть им назначено в низшей мере той степени. Крестьянка же Ирина Семенова 22 лет обвиняется в том, что содействовала к сокрытию следов преступления, укрыв у себя в сарае первоначально тело убитого и потом отдав свои сани для перевозки оного. Хотя же Семенова и показывает, что за отсутствием ее мужа означенные крестьяне сами, без ее спросу, принесли к ней труп Прокофьева на двор как ближайший к месту преступления и сами распорядились санями, чему и крестьяне не

противоречат, однако ж эти ее слова не могут служить ей оправданием, во 1-х, потому, что она самовольному будто бы распоряжению означенных крестьян не противодействовала и не обратилась за помощью к соседям; во 2-х, потому, что она, во всяком случае, зная о преступлении, не донесла об оном, а, напротив того, на всех допросах упорно от всего отпиралась и только на последней очной ставке с убийцами учинила сознание, извиняя свое прежнее заpiresательство страхом. А потому и следует по 15 ст<атье> Уложения признать Семенову укрывательницу преступления. Укрыватели по 130 ст<атье> наказываются одною степенью ниже против пособников, коих участие не было необходимо для совершения преступления; пособники же этого рода по 125 ст<атье> наказываются одною степенью ниже против участников, а участники по 123 ст<атье> присуждаются к наказанию одною или двумя степенями ниже против главных виновных. Принимая в соображение, что Семенова до самого преступления вовсе не знала о предприятии Прохорова и Кондратьева, палата полагает возможным назначить ей

наказание 4-мя степенями ниже против наказания означенных крестьян. А так как сии последние приговорены по 4 степени 21 ст<атьи>, которая имеет всего 7 степеней, то и необходимо перейти затем к 1-й степени следующего рода наказания, определенного 22 статьею. Хотя по 4 и 5 пунктам 140 ст<атьи>, с одной стороны, представляются два обстоятельства, смягчающие вину, именно ее легкомыслие и повод к укрывательству, но, с другой стороны, по 10 п<ункту> 135 ст<атьи> ее заpiresательство, увеличивающее вину, а потому и наказание не может быть ей назначено в низшей мере 1 степени 22 ст<атьи>. Что же касается до крестьянки деревни Аксютинной Прасковьи Парамоновой (50 лет), обвиняемой по народному слуху и вышереченными крестьянами в соучастии воровства с убитым Прокофьевым, то Парамонова в сем не созналась, и хотя по сделанному у нее обыску и найдены у нее шубка и портище, опознанные крестьянкою села Морозова Власьевою за свои, однако ж по 10 п<ункту> 1205 ст<атьи> 15 т<ома> поличное само по себе не составляет полного доказательства, а только часть

оного, тем более, что владелица шубки и портища в свое время о краже оных нигде официально не заявила, а Парамонова отозвалась, что купила оные на базаре от неизвестного ей человека. Хотя прочем поведение ее на повальном обыске большинством двух третей голосов спрошенных окрестных жителей значительно опорочено; но по 15-му тому повальный обыск вовсе не составляет доказательства, а служит только подкреплением прочих доказательств, если таковые имеются. На основании всех сих соображений и вышеприведенных статей уголовная палата определяет: крестьян деревни Подушкиной Анисима Прохорова и Дормидонта Кондратьева 30 лет (при сих словах между арестантами некоторое движение: они вслушиваются внимательно), лишив всех прав состояния, наказать через палачей плетьюми 60-ю ударами с наложением клейм и сослать в каторжную работу в крепостях на 10 лет; крестьянскую женку той же деревни Ирину Семенову (22 лет), лишив всех прав состояния, наказать плетьюми через палачей 22-мя ударами и сослать на поселение в отдаленнейшие места

Сибири, отсрочив, впрочем, исполнение над нею приговора до окончания срока, назначенного 1393 ст<атьей> XV т<ома> для выкормления ее ребенка грудью; ребенка же, по отсылке матери, оставить в приказе общественного призрения».

СЕМЕНОВА.

(всхлипывая).

Может, умру до того!

ГАЛКИН.

(продолжая).

«Крестьянку же деревни Аксютинной Прасковью Парамонову (50 лет) по занятию воровством оставить в сильном подозрении и возвратить в место жительства с отдачею на поруки одобрившим ее поведение людям».

СЕКРЕТАРЬ.

Ступайте! (Семенова всхлипывая уходит, ребенок ее начинает кричать; арестанты, один за другим, молча крестятся на иконы, потом кланяются низко во все три стороны и уходят с конвойными солдатами. Вахрамев встает и незаметно уходит вслед за ними).

ПАРАМОНОВА.

(обращаясь к секретарю).

А мне, батюшка, куда прикажете?

СЕКРЕТАРЬ.

Покуда ступай с ними, а потом тебя отпустят домой, с тебя надо взять подписку, довольна ли ты решением?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну да, тебя оставляют только в сильном подозрении... что ж, ты довольна?

ПАРАМОНОВА.

(кланяясь в ноги).

Довольна, родной мой, довольна, век не забуду Вашей милости...

СЕКРЕТАРЬ.

Ну ступай, подписку мы за безграмотность твоей сами сделаем.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ну, проваливай, милая, проваливай. (Прасковья уходит). Вот баба-то без амбиции, хе, хе, хе!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да что ей в подозрении-то! Она и с ним проживет... А вот другую-то бабенку жаль!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Жаль-то жаль, да что делать, закон!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Знаю, батюшка, что закон! Не она первая, не она последняя... я так это, по человечеству говорю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

А ведь Иван-то Фомич недаром улизнул!.. хе, хе, хе! Верно, пошел калачи закупать, хе, хе, хе!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да уж эти купцы всегда так! Наш брат солдат, на карауле зябнет, голодает — им ничего. А мошенников-то, арестантов кормить — наше дело! Прямая купеческая добродетель! Запретил бы! Жертвуй на полезное! Однако ж не пора ли нам, Александр Матвеич?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(кричит).

Ну, что ж арестантов!.. Давай их сюда.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ведут, ведут!

ЯВЛЕНИЕ XXV

Шум шагов и цепей. Солдаты вводят арестанта, лет 28, высокого роста, с цепями на ногах. Швейкин выступает вперед и читает приговор бойким, звонким голосом, скоро, не

останавливаясь нигде на знаках препинания.

ШВЕЙКИН.

(читает).

«Приказали: из дела видно: крестьянин села Шишкина Андрей Пахомов обвиняется: во 1-х, в том, что он был главным зачинщиком неповиновения, оказанного крестьянами того села помещику их коллежскому советнику фон Диквальдгаузену под предлогом, что право его на наследство незаконно и что они должны получить увольнение из крепостного состояния, так что правительство вынуждено было прибегнуть к необыкновенным мерам усмирения посредством экзекуции. За это 286 статьею Уложения полагается наказание по 7 степени 21 статьи Уложения; во 2-х, в неоднократной подаче незаконных просьб государю императору, за что 1165 статьею определено наказание по 5 степени 35 статьи; в 3-х, в произнесении ругательных слов исправнику и членам земской полиции, что засвидетельствовано протоколом временного отделения и что подвергает виновного согласно 309 статье наказанию, изъясненному в 22-й статье по степени 2-й. Во всем этом Пахомов поло-

жительно обвиняется как собственным сознанием, документами, так и всеми обстоятельствами дела. Имея в виду, что дело о прочих крестьянах уже обсуждено, а дело о Пахомове было отделено, для соединения с прочими возникшими о нем делами, что на основании 156 статьи о совокупности преступлений он должен подлежать тягчайшему из исчисленных наказаний и в высшей оною мере, уголовная палата определяет: крестьянина помещика фон Диквальдгаузена Андрея Пахомова 28 лет, лишив всех прав состояния, наказать плетью через палачей 40 ударами с наложением клейм и сослать в каторжную работу на заводах на 6 лет».

АРЕСТАНТ.

(громко, во весь голос, выступая вперед).

Я недоволен!.. *(все вскакивают, шум, общее смятение, солдаты окружают арестанта).*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Что ...о ...о?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Каков!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Каково?

СЕКРЕТАРЬ.

Ступай, ступай, ступай!

АРЕСТАНТ.

(из-за солдат).

Да как же это, господи!.. я жаловаться хоччу!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(топая ногой).

Вон его! Вон!

ОДИН СОЛДАТ.

(арестанту).

Ну, не разговаривай, пошел!

АРЕСТАНТ.

(уходя).

Господи! Господи! *(уходит с солдатами, Швейкин, за ними, двери канцелярии затворяются).*

ЯВЛЕНИЕ XXVI

Те же без арестанта, солдат и Швейкина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(обращаясь к членам и ударяя себя по швам).

Каков-с?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Да, не робок, нечего сказать; недоволен,

прошу покорно! У нас в военной службе за это его бы, знаете, фухтелями-то!..[44] Однако ж... *(смотрит на свои часы и уходит в архивную комнату)*.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Да эдакого помещику и сослать не жаль, хе, хе, хе!

СЕКРЕТАРЬ.

Да-с, он, видно, не знал, что ему можно жаловаться только после наказания, уж из ка-торги...

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(вбегая во фраке, со шляпою в руке).

Ну-с, Александр Матвеич, я готов, пора, по-ра, пора!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Пойти уж и мне *(уходит в архив)*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Пора и то! Эй, вахмистр! *(вахмистр бежит из канцелярии, чрез всю комнату присутствия, прямо в архивную, куда уходит председатель, и оттуда выходит Семен Иванович в старом пальто)*.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(все это время оправляющийся перед зерка-

лом, напевая).

Тпра, тпра, тпра, трра, трра!.. (отходя от зеркала). Как бы Варвара Петровна не была на нас в претензии за то, что мы так медлим?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(ходя по комнате).

Да что Вы, еще рано!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

(выходя из архива также во фраке, оставивается, покуда вахмистр чистит его щеткою сзади).

Так недоволен! ха, ха! (подходит к зеркалу и приглаживает волосы). Эй, шляпу! (вахмистр подает шляпу).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(между тем тормозит Семена Ивановича).

Так-то, Семен Иванович!., так-то!.. Что Вы к Варваре Петровне не едете? а? Отчего не едете? а?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

(шутливо отбиваясь).

Да полно Вам, полно! замучили совсем, ха, ха! Вишь как разрядился!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А сколько там будет хорошеньких!.. У!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Петр Ильич! Коли там просители есть или еще придут с просьбами, так Вы скажите, чтоб они завтра...

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю-с.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, что ж, Алексей Александрович, едем?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(нараспев).

Едем-с, едем-с, едем, едем!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Желаю Вам веселиться, Александр Матвеевич, Вас там, чай, много будет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Да, с дамами человек 50—60 наберется. Варвара-то Петровна охотница угощать! *(идет впереди всех к дверям канцелярии, которые вахмистр растворяет настежь. За ним Алексей Александрович и Семен Иванович вместе).*

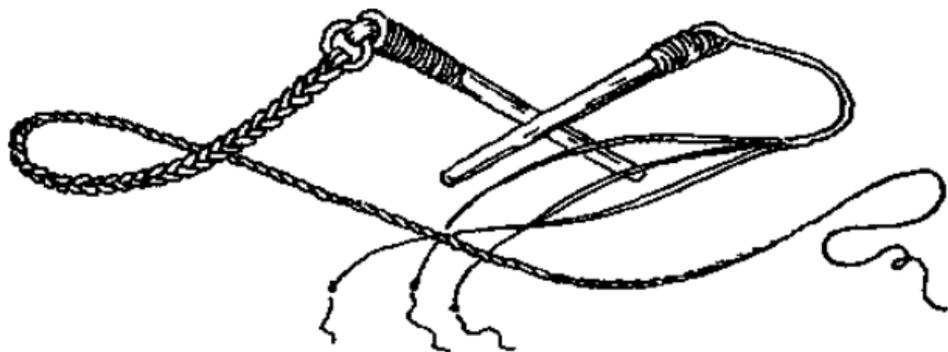
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Молодец Варвара Петровна!.. *(нараспев, идя за председателем).* Да здравствует Варва-

ра Петровна и ножка и ручка ея!..[45] ха, ха!
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ И СЕМЕН ИВАНОВИЧ.
(вместе).

Хе, хе, хе, хе, хе! Едем!

*Все трое уходят, секретарь провожает их,
канцелярия с шумом поднимается с мест.*

Примечания

После этих слов в журнале следует сноска: «Это произведение написано автором почти двадцать лет тому назад. С тех пор мотивы, его вызвавшие, в значительной степени потеряли свою силу; но при всем том, за сценами И. С. Аксакова остается значение одного из лучших, в своем роде, произведений, которое притом не было известно до сих пор в русской печати».

[^^^]

2

Уголовная палата — губернское судебное учреждение наряду с палатой гражданского суда. В некоторых российских губерниях была одна палата — уголовного и гражданского суда.

[^^^]

Красавец (фр.).

[^^^]

4

Фемида — в древнегреческой мифологии богиня правосудия.

[^^^]

5

...не амбре! (от фр. ambre) — благовоние.

[^^^]

6

Целковый — то же, что рубль.

[^^^]

«Из чести лишь одной я в доме сем служу!» —
Откуда взяты эти строки, выяснить не удалось.

[^^^]

8

Презусом называли председателя военного суда (до военно-судебной реформы 1867 г.).

[^^^]

«Есть», «ять» — название букв «е» и «ъ» в церковнославянской азбуке.

[^^^]

Что бы Греч-то сказал! — Речь идет о Николае Ивановиче Грече (1787—1867) и издаваемом им журнале «Сын отечества», который в отзывах о выходивших журналах и книгах часто занимался «выщипыванием опечаток».

[^^^]

Просто штафирка! — Прозвище, даваемое военными гражданским чиновникам.

[^^^]

Новое «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» было утверждено царем 15.VIII.1845 г., вступило в силу с I.V.1846 г.

[^^^]

Амбиция видна — т. е. честолюбие, тщеславие.

[^^^]

Жестокий кузен (фр.).

[^^^]

Речь идет о Калигуле (Гай Цезарь Август Германи, 12—41 гг.), римском императоре (37—41 гг.), отличавшемся сумасбродным характером: своего коня он намеревался сделать консулом.

[^^^]

Просто-напросто (фр.)

[^^^]

Говорила мне исправничиха...— т. е. жена исправника, начальника уездной полиции.

[^^^]

Высший свет (фр.).

[^^^]

Комильфо (фр.).

[^^^]

Хороший стиль (фр.).

[^^^]

Полькировать — танцевать польку, которая вошла в моду в России в 40-е годы XIX века.

[^^^]

Господин (фр.).

[^^^]

Прекокетливая (от фр. gentil).

[^^^]

Такой фамилии помещики существуют в К<алужской> губернии. (Расшифровка губернии сделана в издании «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах». М., 1892. Т. III. Ч. I. Приложение. В журнале «Заря» губерния была обозначена буквой «К».)

[^^^]

Акrostих — стихотворение, в котором первые буквы строк, читаемые сверху вниз, образуют слово.

[^^^]

т. е. буквы.

[^^^]

Так рисовались портреты императора Николая в первые годы его царствования.

[^^^]

Истинный факт.

[^^^]

Истинный факт. Преступление совершено было в Саратовской губернии, а дело восходило на ревизию 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената в Москве. Оно кончилось ничем.

[^^^]

Екатерина II.

[^^^]

Второй завтрак (фр.).

[^^^]

Необходимо знать, что число ударов, лет содержания и прочее выставлялось в приговорах рукою председателя.

[^^^]

Приговоры уголовных палат поступали прежде все на утверждение к губернатору, который, если не был согласен с решением, представлял дело с своим мнением в Сенат. Решение палаты, по подписании приговора (протокола), не могло уже быть изменено членами.

[^^^]

Манкировать (от фр. *manquer*) — небрежно относиться к обязанностям.

[^^^]

Из «Евгения Онегина» (гл. I, I).

[^^^]

Господин..., имею честь (фр.).

[^^^]

Очень рад (фр.).

[^^^]

Становой пристав — полицейская должность, учрежденная в 1837 г. в каждом стане (на станы были поделены уезды).

[^^^]

Гранд-дама (нем.)

[^^^]

Между нами (фр.).

[^^^]

До свидания (фр.).

[^^^]

42

Привет (фр).

[^^^]

Точно: «Не судите, и не будете судимы» (Евангелие от Луки, 6, 37).

[^^^]

Наказание, наносимое плашмя палашом.

[^^^]

Строка из «Песни» (1829) Н. М. Языкова

[^^^]